

Гоери Дамно

Мурзубо.
ОКЕВЫ

Софи Данло

Мирдревно: оковы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69949738

SelfPub; 2024

Аннотация

Жрица Ирис замкнута, боится своей сильной магии и тайно общается с духами. Когда привычную рутину клана нарушают ужасные события – у Ирис отбирают возможность бездействовать. И хоть она тайно мечтала о переменах, но оказалась к ним не готова. Путь исполнения клятвы, а затем поиск снятия наложенных на всех антимагических оков переплетаются с обретением настоящей себя. Ирис придётся действовать, решать и говорить, что думает – всё то, к чему она не привыкла. Как и использовать магию вне установленных границ и правил; как и быть собой; как и быть свободной.

Содержание

Глава I – Ирис	4
I	4
II	10
III	17
IV	37
Глава II – Нарушители	48
I	48
II	63
III	75
Глава III – Урок	94
I	94
II	97
III	107
IV	122
Глава IV – Оковы	133
I	133
II	142
III	149
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Софи Данло

Мирдреве: оковы

Глава I – Ирис

I

Полотно из идентичных травинок устилало всю местность. Встречались деревья, растущие в одиночестве, и крупные камни с тупыми остриями, смотрящие в стороны. Пастельно-серое небо; нет облаков; нет солнца; а горизонт был подёрнут дымкой. Ощущая парение, Ирис лежала на глади круглого пруда, чистого от любой растительности и пустого на живность.

Светлая кожа, овальное лицо, нос с небольшой горбинкой и тонкие губы, а холодно-коричневые волосы, подстриженные очень коротко, повторяли контур головы. Средний рост, стройное, без выраженных округлостей, телосложение; а белый комбинезон из лёгкой ткани открывал только: голову, кисти и босые ступни.

Сквозь толщу дремоты, но с другой грани пробуждения, Ирис вспоминала о том, что месяц назад ей исполнилось восемнадцать лет; о том, что ещё два месяца и наступит день её

посвящения. Но привычные мысли разрезало странное ощущение – лоб наморщился, веки дрогнули и, пошевелившись, Ирис нарушила баланс. Сломав гладкость, она опустилась под воду; звук погружения выплеснулся за пределы пруда и, будто наткнувшись на стену, опал.

Стопы не касались дна, кожа не чувствовала температуру. Ирис открыла веки – и вспыхнуло осознание того, где она.

Ирис вылезла из воды – пруд обрёл зеркальную гладь, а кожа и одежда остались сухими. Светло-серые глаза блуждали по землям, в которые Ирис входит почти каждый день, но не в эту точку изменчивых земель с несуществующей картой. Пейзаж как замершая картина с блеклыми и неправильными тенями; привычная для этого места обволакивающая тишина и отсутствие ветра.

Нуждаясь в словесном подтверждении, Ирис на выдохе сказала:

– Грань.

Со скомканным, приглушённым звуком, похожим на шёпот, возник порыв ветра и протянулся к спине Ирис. Её сердце ёкнуло и убыстрило стук, а по телу прошли мурашки. Вжав голову в плечи, Ирис осматривалась и поворачивалась. Она увидела в стороне то, чего там не было – опустила плечи и замерла.

На парящем островке, поросшим обилием растительности, росла ива, а под ней находилась светлая дверь. Но взгляд Ирис приковался к единственному движению – от края ост-

ровка сплеталась лестница из травы.

Лестница сплелась до середины – Ирис поднимала глаза и убыстряла движение зрачков с каждой пройденной ступенью. Когда зрачки достигли пика и уткнулись в дверь – в Ирис вонзилось колыхание, и оно отозвалось в душе как крик, как зов. Что-то там, то, что по ту сторону, звало и манило. Повинуясь зову, Ирис направилась к островку и смотрела как последняя ступень сплеталась и вращалась в почву.

В окружении листовых нитей из земли выростала гладкая дверь из белого металла с золотистым отливом. Травинки лестницы прогибались от веса Ирис, а волнение возрастало.

Поднявшись на островок, Ирис увидела, что нет скважины и ручки – дверь выглядела так, словно никогда не откроется кто бы ни постучал.

Но дверь, без щелчка, без скрипа, стала открываться сама; и Ирис затаила дыхание.

Перед Ирис предстал, точно вырезанный в пространстве, белый прямоугольник. По ту сторону – ничего; будто за порогом, забрав все объекты и краски, обрывался мир. Там нечто звало, тянуло к себе, заглушало любые попытки возникновения сомнения и тревоги.

Ирис приблизилась к двери, задержала дыхание – и, ожидая не то падения, не то быть раздавленной, шагнула через порог.

Сделав шаг, Ирис выдохнула в пустоту и открыла веки. Бесконечность белизны простиралась вокруг, и точно соеди-

няла в себе начало и конец мира. За спиной дверь закрывалась и исчезала, тая как мираж; но у Ирис не возникло и мысли о том, чтобы вернуться. Опустив взгляд, Ирис смотрела на литой пол из белизны – и казалось, что она смотрела в него, через него, в бесконечность белого цвета.

Странное ощущение нарастало в груди. Ирис шла вокруг себя, взгляд блуждал по пространству и искал за что зацепиться.

Что-то мелькнуло в поле зрения – и Ирис остановилась. С трепетом и тревогой она смотрела на блик на фоне белизны – как странная, бледная звезда. То непонятное ощущение схлопнулось в стрелку, вонзилось в звезду – и из звезды ударило в Ирис. Вспыхнула тягучая, невыносимая тяга – раскачивалась в груди и в горле. В глазах поплыло, в ушах стоял звон, а в голове было подобие шуршания листвы и странный шёпот, как неразборчивое бормотание. Или же этот шёпот распространялся вокруг – Ирис не могла сказать разницы.

Удерживая себя от того, чтобы не лечь, Ирис делала глубокие вдохи. Сжимая и разжимая кулаки, она, не в силах сопротивляться странной тяге, направилась к звезде.

Босые стопы шлёпали по поверхности, взгляд держался за звезду – чем Ирис была ближе, тем ниже она опускалась. Тем отчётливее вырисовывались очертания магического творения: вытянутый, чуть длиннее кисти.

Ирис остановилась – творение замерло на уровне пояса; и она смогла рассмотреть каждую деталь. Оно выглядело как

кинжал. Толстая рукоять из чистейшего серебра магсэры искрилась и переливалась лунным светом – так и просилась лечь в ладонь. Прямой, не острый клинок длиной со средний палец был из полупрозрачного жёлто-оранжевого материала, который напоминал древесную смолу и обладал бело-золотым свечением.

Проглатывая вдохи, Ирис смотрела на магическое творение, которое прежде никогда не видела. Оно звало Ирис сюда – протянуло нить в её разум, в её душу, и оно являлось эхом самого себя. Ирис не знала, что это. Но она знала, что оно не здесь, оно не реальное, не физическое; но каким-то образом она чувствовала пульсацию его мощи, магии, жизни.

Покалывая от напряжения, Ирис сглотнула и протянула левую руку. При прикосновении магия пронзила тело как разряд молнии, от которой на секунду парализовало и едва не разорвало изнутри. Поведя плечами, Ирис стряхнула остатки разряда и опустила взгляд на творение. Размер рукояти точно был создан для кисти Ирис. Большой палец провёл по поверхности – материал отозвался искринками и переливом магического серебра; а Ирис переполняли: восторг, восхищение и странная, клокочущая по всему телу, радость.

Секундой позже от творения возникло яркое сияние – и Ирис ахнула. Щурясь от нарастающего света, она не могла закрыть глаза; хотела выронить творение, но не смогла – словно не она сжимала рукоять, а рукоять сжимала её кисть.

Творение начало вибрировать – и как маленькие иглы Ирис пронзали знания, которые она не успевала усвоить и понять.

Вес знаний увеличивался, расширялся и мелькал картинками с людьми – как тысячи молний в голове; громыхал словами, образами, цветами и формами, эмоциями и музыкой существ. Будто весь мир поместился в Ирис и дышал в ускорении веков тысячами жизней и моментов.

Прогибаясь, Ирис застонала:

– Хватит... – И голос разнёсся в обрывистом эхе в её голове, в творении, в белом пространстве вокруг, кричал в ней и на неё.

Сияние разрасталось и заполняло собой всё. Когда оно достигло пика, Ирис почувствовала всю необъёмную мощь, которую в себе содержало творение. Это, как игла в мозг, породило дикий, защитный страх – и Ирис раскрыла рот.

II

Строгая кровать из серебра, светло-бежевое постельное бельё, жёсткий матрас и плоская подушка. С громким ахом Ирис схватила воздух, распахнула глаза и села. Подавляемый на подсознательном уровне крик застрял в горле – и этот ах это вся громкость, которую Ирис могла себе позволить.

Сжавшись и задержав дыхание, Ирис смотрела на колени под тканым покрывалом; сон как странное онемение в голове, а его последние мгновения высыпались и испарялись. Ирис потребовалось три секунды на осознание пробуждения. И осознав, она расслабилась и выдохнула.

Картинки пребывания в Грани встали перед внутренним взором. Ирис поморщилась, думая, что это невозможно: оказаться в Грани без намеренного погружения; а тратить силы ума на раздумья о каком-то странном сне она не хотела.

– Нет, – прошептала Ирис. – Это, был, просто, сон.

Она сделала шумный вдох-выдох, подняла голову – и взгляду предстала крошечная комната.

Три на три шага, пол и стены из белого мрамора со светло-серыми прожилками не имели линий плит и стыков. Маленькое, серебряное арочное окно с открытыми створками смотрело на половину кровати и на половину выступающего проёма, в котором вместо двери было плотное, бежевое полотно. На полу, у изголовья стоял глиняный кувшин с во-

дой. Рядом – небольшой сундук из серебра. Напротив кровати из этого же металла находился табурет с ровным квадратом одежды, а под ним – обувь.

Через окошко Ирис смотрела наружу. Она видела кусок голубого неба и листву дуба; слышала, как просыпалось поселение Плёрас и начинало ежедневную рутину. Рутину, которая шла по кругу, почти не меняясь, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, и так протягивались десятилетия, соединяя в себе поколения. Словно они зависли во времени. Мир вокруг продолжал жить, дышать, а они оцепенели в ожидании – испещрялись ветрами и водами времени, и медленно разрушались. А любое событие, которое выходило за сколоченные рамки, – даже будь оно малым и незначительным – сотрясало эту рутину.

Душа застонала – естество Ирис требовало вскочить и что-то сделать. Но она продолжала сидеть и снова чувствовала себя одинокой в своих взглядах и желаниях. В такие моменты Ирис хотелось сжаться в комочек, пуф – осыпаться пылью и исчезнуть.

Блуждая по линиям прожилок на стене, Ирис снова вспоминала о предстоящем посвящении. Из-за мыслей о будущем грудная клетка сжималась кольцом, а душа рябила беспокойством. Но привычные мысли и тревоги одёрнули тихие шаги.

Шаги остановились по ту сторону полотна, и раздался мужской голос:

– Ирис?

Она повернула лицо к проёму и, зная, что он не войдёт, сказала:

– Да?

– Флокс передал тебе, чтобы ты ждала его на крыльце.

Она вздохнула так, что он не услышал, и ответила:

– Хорошо. Спасибо.

Шаги удалились и затихли. Ирис откинула покрывало и поставила босые стопы на холодный, гладкий мрамор. Утренние лучи коснулись пальцев ног – и на лице Ирис возник призрачный улыбки.

Ирис отпила воды из глиняного кувшина и вернула его на место; заправила кровать, шагнула к табурету и оделась.

Одежда была из лёгкой ткани песочного цвета: чуть свободные штаны, приталенная туника была длиной до середины бедра, с круглым воротом и свободными рукавами до локтей, а от талии по бокам шли разрезы. Тёмно-коричневая лёгкая обувь из ткани была высотой ниже щиколоток, со шнурками и эластичной, тонкой подошвой.

Смотря на ровный белый квадрат комбинезона, Ирис поправила его на миллиметр и пригладила едва видимую складочку у верхнего угла. В груди возникла странная тревога, которая копошилась как колкий комочек. Ирис выпрямилась и коснулась пальцами солнечного сплетения – сделала усиленный маленький глоток со скудными слюнями, и отрывисто выдохнула облегчение.

Кулачок был на месте. Сжат, как и прежде.

Но странная тревога не ушла, и к ней прибавилось нечто отдалённое, непонятное и ускользающее. Ирис нахмурилась и подумала о некоторых моментах из отвергаемого сна. Она подняла левую руку и, смотря на пустую ладонь, ощутила призрак того творения. Проснувшимся умом Ирис могла сравнить тот предмет только с ножом, но понимала, что для него было более подходящее слово, которое было известно во сне.

Ирис проглотила игнорирование и отвержение, прикрыла веки и позволила протечь в голове тому, что видела и испытала. Но когда поток воспоминаний достиг момента взятия творения в руку – то будто наткнулся на стену. Ирис сжала кисть в кулак, напряглась и, вода и дёргая головой из стороны в сторону, пыталась вспомнить хоть что-то.

Ирис не смогла. И, отпустив себя, она на выдохе открыла веки.

Вспыхнула сильная, тянущая тяга к тому творению – невыносимое желание взять его в руку, но уже в реальности; ощутить странный порыв откровения – упущенный, забытый – который утёк из памяти, оставив налёт важности; ощутить ту мощь магии, ту жизнь в этой странной оболочке необычных материалов. За всем этим висела блеклая тень страха. А пылающее желание и боль от неисполнимости разрывали душу.

Ирис сделала обрывистый вдох, накрыла лицо дрожащи-

ми руками и прошептала:

– Что со мной происходит?

Звонкий удар – и она вздрогнула. Порыв ветра, шурша листвой, снова толкнул незакреплённую створку, и она ударилась о стену продолговатой, узкой ручкой. Ветер стихал; Ирис смотрела на покачивающуюся створку, а странное ощущение тревоги возросло. Нахмурившись, Ирис приблизилась к окну. Только она хотела опереться на узкий, серебряный подоконник и выглянуть – как в ветках дуба раздался шелест листвы, и какая-то птица упорхнула в сторону. Ирис от неожиданности ахнула и отстранилась – нервно усмехнулась и, покачивая головой, отступила на шаг.

Странная тревога рассеивалась. И взяв себя в руки, Ирис прошептала:

– Там была Грань. Я была в Грани, значит это точно был не сон. Но... что тогда?

Напрягая память, она поморщилась и коснулась рукой лба – пребывание в Грани блекло, как неважная прелюдия.

– После Грани я... Магсера, – опуская руку и видя в голове ту рукоять, сказала Ирис. – Светлая магсера. Но самая чистая и странная которую я когда-либо видела. Но и что-то ещё... Магия, зачаровывания – разумеется, хоть и не понятные мне. Но может ли это быть сплав магсеры и чего-то ещё? Конечно. Скорее всего. Но чего?

Мотнув головой, Ирис отогнала все мысли, переместила взгляд на окно и смотрела на кусочек неба над кроной дуба.

Створка окна покачивалась на ветру, порыв обдувал лицо – Ирис вспомнила себя, будучи шестилетней, когда впервые увидела магсеру.

Руки, принадлежавшие будущему наставнику, протянули цилиндрический предмет с доньшком, как высокий стакан. Ирис помнила, как была очарована чистым серебром – его лунным отливом, его гладкостью без погрешности. «Что это?», – спросила она тогда. Будущий наставник ответил: «Это магсера – магическое серебро. Она изготавливается при помощи особой магической очистки и обработки серебряной руды. Только после этого в металл вплетается магия и на него накладываются требуемые чары при изготовлении чего-либо.» Ирис помнила яркое восхищение, будто коснулась звезды в небе; и она заглянула внутрь, дав ёмкости дыхание. А будущий наставник добавил: «Если честно, я не знаю деталей. Ремесленники знают больше. И я должен поправить себя – изготавливали. Это знание было утрачено.» Ирис помнила его печаль, которую она тогда не поняла.

И сейчас в глазах Ирис встрепенулась эта же печаль, более глубокая и тягучая.

– Утрачено, – сказала она. – Как и многое другое.

Взгляд пробежался по потолку, стенам – и остановился на выпирающей раме прохода. Извечная прохлада гладкого камня, рассыпавшийся в его стенах прах прошедших столетий, пустота помещений, тишина, в которой слышен каждый шаг, каждый вздох. Храм – холодный, древний, вечный – ку-

сок прошлого, то, что сумели сберечь. Как и тот цилиндр, назначение которого стёрлось.

Ирис подумала – могла ли она во сне-не-сне увидеть один из артефактов прошлого, сотворённого предками?

Ведь иногда Ирис посещали странные сны. Но они были туманными и скомканными, а большая часть ускользала из памяти в момент пробуждения. Каждый раз Ирис пыталась выжать из осыпающегося эха размытых картинок хоть что-то вразумительное. Но она видела их словно через толстое, мутное стекло – размытые очертания без чёткости и понятности, мелькали как мазки во взмахе огромной руки, дарили пятна красок и вспышки эмоций, и уносились в небытие. И всё что оставалось так это смазанные мелкие осколки и неопределённые искринки эмоций.

Сегодня было иначе. Ирис не помнила всего, не помнила деталей. Но всё же, сегодня было иначе. Ирис помнила больше; и она помнила неподъёмную тяжесть и не обхватываемый объём последних мгновений, а оставшийся налёт важности въедался в разум и душу.

Больше всего Ирис хотелось получить ответы на вопросы. Как и почему она это увидела? Что это вообще было?

Но Ирис облачила все ощущения, мысли и вопросы в плотный пузырь игнорирования и подавления; и сказала:

– Не сейчас.

Она отвела полотно в сторону до упора и вышла в рутину.

III

Царила тишина и обволакивала собой каждый сантиметр. Коридор протянулся линией, и в его концах – по арочному окну с серебряной рамой; а по потолку тянулась череда серебряных цепей с чашами. В их объятиях кружевных бортов парили белые сферы и источали прохладный свет.

Сфера света – или сфэсве – является одним из основных источников света в поселениях кланов.

Тихий, выученный шаг отражался от стен и потолка приглушённым эхом. Множество проёмов с полотнами по обе стороны вели в точные копии комнатки Ирис. Идя мимо них, она видела, что часть проходов была открыта; хотя обычно, когда она шла по коридору, они все были закрыты.

На половине коридора – справа находились три двери из серебра. За ними находились общие ваннные комнаты, которые использовать позволялось, конечно же, по одному. Слева был поворот – единственный выход из жилого корпуса учеников. После поворота и дверей продолжалась череда проходов, но проёмы не имели полотен. В тех комнатках не стояли глиняные кувшины, на табуретах не лежала одежда, створки окон всегда были закрыты, а сундучки – пусты. И только три последних проёма имели двери – такие же, как и в центре.

Отчего-то Ирис всегда отталкивало то, что храм не имел

плит и стыков. Точно всё здание было высечено из гигантского куска мрамора, включая перила и колонны, или оно было слито из его крупных частей в единую, массивную конструкцию.

Ирис вышла на пустой балкон с перилами. Он протягивался от края до края; напротив – такой же балкон. Их подпирали необъятные колонны, а на потолке между ними на цепях свисали пустые чаши для сфесве как в коридоре. Слева находились лестницы-близнецы с одной переходной площадкой и смотрели друг на друга, а между ними высился проход и вёл в полутёмный, меньший зал. Справа между балконами в высоту двух этажей возвышалось единственное окно с толстой серебряной рамой.

Ирис подошла к перилам и посмотрела в правую часть зала, где в два ряда стояли строгие скамьи из серебра с тканевыми сиденьями. Ирис посмотрела на окно и устремила взгляд, наполненный благоговением, перед ним – на крупную статую из белоснежного камня.

Косые, утренние лучи последнего дня августа тысяча триста шестьдесят второго года освещали помещение и рассеивались от ветвей статуи дерева с редкими листьями. Внешне оно было похоже на дуб, но массивнее и величественнее, без плодов, а листья были овальными. Взгляд Ирис блуждал по линиям раскидистых, извилистых ветвей – они тянулись к потолку и в стороны. Опустившись ниже, взгляд извивался с линиями толстых корней. И как в завершающей точке бе-

локаменного лабиринта взгляд уткнулся в центр ствола. Там находилось ромбовидное дупло – в нём грани выпирающего на половину кристалла, высеченного из этого же белого камня.

Ирис наполнилась печалью и переместила взгляд к подножию статуи – будто искала прибежища, которого там не было; и она это знала. Глаза, точно пересчитывая, отскакивали от макушек пяти голов из этого же белоснежного камня: по две головы на ряд скамеек, и одна между ними. Детальные бюсты находились на колоннах-пьедесталах среди корней, точно в их объятиях. Отскочив от крайней головы, Ирис стала ещё печальнее и отвела взгляд левее.

Первый этаж являлся почти пустым залом. Все присутствующие различных возрастов были облачены в такое же одеяние, как и у Ирис – такая же обувь, так же коротко подстриженные волосы, и ни у одного мужчины не было растительности на лице. Взгляд Ирис перебегал от одного Жреца к другому – они ходили как песочные тени и, надев бесцветные лица, почти не разговаривали. А те, кто стояли или сидели – почти не имели движений и будто позировали для картин.

Ирис не хотела быть как они, но она старалась – притворялась, следовала правилам, лгала себе и им.

Иногда Ирис в этой условной тишине хотелось закричать. И мысль, что когда-нибудь она и в самом деле это сделает всегда порождала улыбку; породила и сейчас.

Иногда Ирис казалось, что в этой условной тишине было возможно услышать чью-нибудь мысль; или кто-нибудь, не дай Мирдредо, мог слышать её мысли – и тогда бы её ждал Суд. И улыбка погасла.

Ирис взглянула на пустой проём балкона-близнеца. Она ни разу там не была, но знала, что там такой же коридор, с такими же одинокими комнатками; и что скоро одна из этих комнаток будет её. Ещё раз взглянув на белоснежную статую, Ирис вздохнула и направилась к лестнице.

Спускаясь по первому пролёту лестницы, Ирис вела правую руку по перилам и краем глаза посматривала под балкон у статуи. Возле её корней и частично под балконом находилась группа старших учеников в пять человек. Им было примерно столько же лет, как и Ирис, но она не принадлежала к этой группе; она никогда не принадлежала ни к какой группе – ни младшей, ни старшей. И как часто это бывало, в Ирис возникла смесь эмоций: с одной стороны она испытывала досаду от того, что не занималась вместе с остальными учениками, но с другой – она была этому рада.

Старшие ученики сидели на плетёных ковриках – скрестили щиколотки, опустили головы и прикрыли веки. Спокойные лица, но в каждой линии была сосредоточенность, а в линиях тела – собранность, усилие. Между ними ходила женщина и следила за погружением пристальным, чутким взглядом. В ком-то из учеников Ирис улавливала напряжение даже на расстоянии, будто они источали его прозрачны-

ми волнами.

Спустившись на переходную площадку, которая упиралась в стену, Ирис остановилась перед первой ступенью второго пролёта лестницы. Что-то было не так – что-то не соответствовало рутине. Часть Ирис укуталась в тревогу и смятение. А часть трепетала в предвкушении того, что нарушила рутину – и огонёк странной надежды вспыхнул в глазах.

Послышались шаги, шарканье и эхо которых разносилось громче чем должно быть. И когда Ирис увидела, что к проходу приближается группа из одиннадцати детей в возрасте шесть-семь лет – лицо прокисло разочарованием и померкло.

Это часть рутины, хоть и не ежедневная.

Дети были одеты в такую же одежду: чуть свободные штаны и туника – но из бежевой ткани; некоторые из них были босыми, остальные в обуви – такой же как у всех; волосы были средними или длинными, у нескольких были убраны в простые причёски (хвост, коса, две косы), а у остальных – распущенные. Жрец, который сегодня так же являлся и учителем, вёл группу за собой. Он был высоким и худым, имел светлую кожу, светлые волосы и голубые глаза.

Только маленькие ноги переступили линию в проходе как привычная рутина Жрецов переменилась. По велению их учительницы, старшие ученики вышли из погружения, точно разумом выныривая из глубокого колодца, и последовали за ней к проходу. Остальные устремились под балконы, под

которыми находилось по три строгих двери из серебра.

Но несколько Жрецов осталось. Один мужчина сидел в стороне на коленях и, положив руки на ноги, макушкой опущенной головы смотрел на статую дерева. Трое – женщина и двое мужчин – стояли на балконе старших и обсуждали что-то так тихо, что отголоски шёпота едва были слышны. А одна женщина сидела на скамье правого ряда скамеек и смотрела в сторону.

Извечная прохлада и массив мрамора давили на маленьких гостей – они держались вместе, соблюдали тишину и оза-рялись по сторонам. Когда старшие ученики прошли мимо них, сопровождающий учитель-Жрец вышел вперёд и развернулся к детям.

– Добро пожаловать в храм, – сказал он обычным тоном, который для находящихся жильцов этого места прозвучал как гром. Они в невольности бросили на собрата по роли быстрые взгляды, не выражающие ничего. И только женщина на скамье не шелохнулась. – Как вы знаете, мы – Жрецы. Меня зовут Алтэй, и сегодня начинается ваше просвещение.

Ведя рукой по перилам и желая отсрочить собственный урок, Ирис спускалась и наблюдала за детьми. Они шли между рядов скамеек и поглядывали на странную женщину. Ирис присмотрелась к ней – и поняла любопытство и тревогу на детских лицах.

Замерев в сидячем положении и положив ладони на ноги, женщина смотрела сквозь стену и тонула в глубинах про-

страции с обрывочными, скачущими мыслями – будто дремала с открытыми глазами. Ирис поняла, что эта та, про кого вчера упоминал наставник – его соседка через стену, старшая Жрица, у которой погружение в Грань закончилось проблематично и теперь она восстанавливается от смещения.

Алтей привёл детей к статуе и бюстам в её корнях; Ирис встала на последней ступени и облокотилась на верх квадрата столба, которым оканчивались перила. Стоя лицом к статуе, Алтей положил ладонь на солнечное сплетение, прикрыл веки и, не сгибая колен, поклонился головой и корпусом как одной линией – замер в позиции буквы «г» на три секунды и выпрямился. Дети смотрели на Алтея с восхищением – они видели этот поклон ранее, но не в исполнении Жреца.

Алтей развернулся к группе детей и начал:

– Сегодня ваш первый и вводный урок, потому что в вас начала проявляться магия. – После этих слов глаза детей за сверкали, и они обменялись возникшими улыбками. – Настолько, что вас учат её контролировать.

«И усиливают контроль над вами.», – подумала Ирис.

– На сегодняшнем уроке и в последующие от представителей различных ролей, вам будет рассказано о важном и необходимом. Кто-то из вас, разумеется, уже что-то знает, но во время уроков соблюдайте тишину. Вы можете что-то сказать, только когда к вам обращаются или задан вопрос. Вы можете что-то спросить, только когда предоставляется для это-

го возможность. – Алтей выдержал паузу, дождался, когда головки закивают, и продолжил: – В последующие годы за вами будут наблюдать и в будущем, когда вам исполнится одиннадцать-двенадцать лет пройдёт отбор и вам определят ваши роли.

«В независимости от того, что вы хотите и думаете. Никто даже не будет спрашивать, что вы об этом думаете, потому что уже известно, что вы должны об этом думать.»

– А также вас выберут себе в младшие ученики наставники.

«И здесь у вас тоже нет права голоса. У вас нигде нет права голоса.»

– Итак. Как вы знаете, эта статуя изображает Мирдреву – создатель и наблюдатель, Мать и Отец, душа и сердце мира, защитник, источник магии, источник жизни, а значит и нас самих. Другие названия, которые сейчас уже не используются: Великое Древо или Древо Мира.

Как и все, Ирис никогда не видела Мирдреву. Но в отличие от других, она иногда видела что-то в своих странных и ускользающих снах. И сейчас их компиляция наслоилась друг на друга в быстром мазке. На секунду в голове Ирис возник размычатый, но яркий, образ великолепного и колоссального дерева в божественном свете. Серая кора точно камень источала серебряно-лунное сияние, а изумрудный кристалл, который называют ядро, был как сердце – дерева, мира, Ирис; и он был налит энергией жизни. Солнце будто све-

тило только для Мирдрева, а оно делилось им с его детьми.

Алтей встал у крайнего бюста напротив левого ряда скамеек, и продолжил урок:

– Очень давно, ещё до начала исчисления, наши родные земли – огромный архипелаг островов Изумруд и континент Серп – сотряс Магический катаклизм. Ма-ка. Странные вещи происходили с Гранью и её посещение стало смертельно опасным. Земли стонали от стихий, а дальние разрушились. Магия, и соответственно всё что нас окружало, работала с перебоями. Много было разрушено, многое было потеряно. Это повлияло и на людей – много жизней ушло раньше срока. И когда Мирдрево, применив защитную силу, стабилизировало мир – всё стихло. Но само Мирдрево, по не ясным нам причинам, опустилось в глубокую дрему. А народы ударились в панику.

Алтей посмотрел на белоснежные бюсты с благоговением и вернул взгляд на группу детей. Несмотря на то, что они уже что-то знали об истории, они внимали каждому слову.

– Именно тогда к нам спустились с их парящих островов первородные, – Алтей лаконичным жестом руки указал на бюсты, зная, что дети и так знают, что это они. – И, прежде державшиеся в стороне, они стали частью народа, его благословлёнными лидерами, стражами мира, божественным земным воплощением Мирдрева. Они провели Глоб – Глобальное объединение – и народы, жившие всегда в мире, стали по-настоящему едины, стерев все границы и стали одним на-

родом. Первородные помогли восстановить земли, меняя их и всё что нас окружало к лучшему. И именно с их приходом началось исчисление. Спустя века после Ма-ка, когда мир обрёл былую стабильность и Мирдрево начало пробуждаться, произошёл новый магический катаклизм. Иной, но удар был силён. Из-за его отличий и сокрушительной силы он получил название – Великая катастрофа. Ве-ка.

Смотря на детей в упор, Алтей чуть наклонил голову, а на верхнюю часть лица будто опустилась тень.

– Он возник как вспышка. Земли тряслись, города разрушались. Вода лилась с неба и громыхал ужасающий гром с молниями, ударяющими в наши земли. Алые тучи тяжелели и сгущались. Высокие волны разбивали берега нашего огромного архипелага. А вулкан, что был на Серпе, извергался и разбрасывал пепел.

Сделав паузу и, точно удовлетворившись напуганными глазами детей, Алтей выпрямил голову и продолжил в прежнем тоне:

– Магия работала с перебоями, магические предметы выходили из строя, а какие-то разрушились. Это повлияло на пробуждающееся Мирдрево, – Алтей указал на кристалл дерева, – и ядро треснуло.

Раздались ахи. А сердце Ирис защемило от одной мысли об этом ужасе.

– Именно первородные остановили разлом ядра Мирдрева, защитили его и нас. Объединившись, они применили

сильную, иную от нашей, магию и сумели создать нечто, что втянуло в себя источник катаклизма. Но так вышло что эта концентрированная магия отразилась, ударила в них, и распалась. А от удара распались и тела первородных. Они не умерли, такие как они просто так не умирают. Лишившись телесных сосудов, их сущности, истощённые и раненные, погрузились в спячку. А Мирдреву, так и не пробудившись, снова впало в глубокую дрёму. Которую мы, Жрецы, сравниваем с комой. Народ покинул погибшую и разрушенную родину девятьсот восемьдесят лет назад и прибыл на необитаемый континент, на котором мы проживаем сейчас. И как вы знаете, мы называем его – Прибежище.

Алтей перевёл взгляд на бюсты:

– Когда-нибудь, тела первородных переродятся, а сущности восстановятся и обретут свои сосуды – и первородные воскреснут.

Следующие слова Ирис, шевеля только губами, проговорила вместе с временным учителем:

– Первородные вернуться к нам – восстановят родину, вернут заблудших к истине, пробудят Мирдреву, и настанет мир и гармония.

Дав детям время, Алтей собрался для следующей части урока. Ирис взглянула на проход и подумала, что ей нужно идти. Но она не сделала ни шагу.

– Вы, разумеется, знаете имена наших первородных, и немного о них. Но сможете ли вы сказать кто из них кто?

Дети устремили взгляды на детальные лица, высеченные из белого камня. Дети, разумеется, знали кто из них кто. Но, не зная риторический это вопрос или нет, никто не решился подать голос. Алтей, явно удовлетворённый этим, точно дети прошли какой-то тест, указал на первый бюст рукой.

Утончённое лицо мужчины с высокими скулами и прямым носом. Длинные волосы опускались ниже плеч и касались колонны пьедестала, а передние пряди были отведены назад и от затылка заплетены в тонкую косичку.

– Каман – покровитель ремёсел, изобретений и Ремесленников.

Рука Алтея указала на следующий бюст. Женщина с сердцевидным лицом и с раскосыми глазами, внешние уголки которых точно указывали на виски. Длинные волосы были заплетены в три косы, а из них была сплетена одна.

– Ойса – покровительница хищных животных, смерти и Охотников.

Алтей прошёл ближе к центру, где затылок бюста смотрел на ядро в ромбовидном дупле Мирдрева, и указал рукой на голову. Лицо мужчины с широкими нижними скулами, густыми бровями и носом с горбинкой. Распущенные, волнистые волосы опускались немногим ниже плеч и были убраны за уши.

– Анбас – покровитель веры, целительства и Жрецов.

Алтей сделал пару шагов и встал напротив правого ряда скамеек, где до сих пор в прострации сидела Жрица. Рука

Алтея указала на следующий бюст. Женщина с округлым лицом и курносом носом. Распущенная, объёмная и длинная копна кудрявых волос; и, утопая в них, был надет веночек из цветов.

– Мйтта – покровительница природы, растительных животных и Флор.

Рука Алтея указала на последний бюст. Женщина с овальным лицом, пухлыми губами и крупным носом с широкими ноздрями. Множество тонких косичек было убрано в большой, слегка небрежный пучок.

– Тиáni – покровительница мудрости, знаний и Хранителей.

Опуская руку, Алтей вернулся к бюсту Аноаса, встал к нему спиной, лицом к детям, и перешёл к следующей части урока.

– Спасаясь с разрушенной родины, наши предки успели многое взять с собой. Например, как наш храм. – Увидев вопросительные лица, которые не могли открыть рты, Алтей пояснил: – У нас есть специальное изобретение – прокуб. Пространственный куб. – Он показал примерные габариты руками, и они были немногим больше головы. – Вещи, артефакты, или даже здания можно с помощью магии поместить внутрь прокуба для сохранения или переноски на расстояние.

Послышалось несколько изумлённых ахов. Вероятно, дети пытались представить как целое здание помещалось в та-

ком маленьком, магическом ящике.

– Это сложная и тяжёлая магия, этим занимаются только Совет и некоторые из Хранителей. И только в особых случаях. Например, для хранения чего-то важного. Или, когда клан снимается с места для поиска нового и нам нужно переместить важные вещи, в том числе два здания: этот храм и хранилище. Или, когда что-то нужно взять на Собдóm – Собрание дома. Или на Велсób – Великое собрание. Но о прокубе вам подробнее расскажут Хранители и Ремесленники. А сейчас ещё немного о храме.

Алтей выдержал небольшую паузу и, сглотнув, смочил горло.

– Нашему храму больше тысячи лет, но сколько точно мы не знаем. Ведь он был построен в дни до Ве-ка. Храм – физическое место сосредоточения нашей веры и связи с Мирдревом. И он – место, где Жрецы живут и несут долг своей роли. Мы поддерживаем тонкую связь с нашими умершими и спящим Мирдревом. Мы помогаем и сопровождаем пришедших в храм в их молитвах. Мы поддерживаем веру и надежду нашего клана. Так же в наших руках лежат несколько обязанностей и традиций, такие как: свадьба, похороны, рождение, выдача имени, организации постов. Мы заботимся не только о душах, а также и о телах. Ведь мы способны направлять нашу магию особым образом и исцелять.

Кто-то из детей чихнул, Алтей смерил мальчика быстрым, недовольным взглядом – прокашлялся, и продолжил:

– У нас есть отдельная, небольшая группа Жрецов. Она ежедневно ищет по Грани местонахождение нашей родины, пытается нащупать её вибрации и энергии. Так же эта группа ищет наших первородных, знаки их воскрешения и возвращения. И также она всегда высматривает признаки возможного магического катаклизма, чтобы в этот раз мы были готовы. Мы называем их грáники.

Алтей взглянул поверх макушек детей на Ирис – та внутренне сжалась, и едва сдержала порыв чтобы не убежать. А Алтей вернул взгляд на детей и продолжил:

– Именно грáники выдают имена новорождённым. Для этого они входят в особую связь с Гранью. Она называется переломное погружение. И с помощью этой практики грáники вылавливают подходящее имя, которое было дано Мирдревом. Все Жрецы могут использовать погружение и войти в Грань. Но именно грáники самые лучшие в этом, они сосредоточены только на Грани и посвящают этому всю свою жизнь.

От последних слов Ирис померкла. Алтей, мысленно перебирая уже сказанное, выдержал паузу. И, кивнув себе, он продолжил:

– Это общее описание нашей роли, а...

Дальнейшие его слова растворились в печали Ирис – она перевела взгляд на проём на балконе учеников и вспомнила как поднималась по лестнице за первым Жрецом в первый раз.

*

Через окно в два этажа на статую Мирдрева, зал и балконы падал тёплый свет жаркого, летнего дня. По ступеням поднималась маленькая, но не хрупкая, шестилетняя Ирис. Загорелая, длинные холодно-коричневые волосы были распущенны и растрёпаны; бежевая одежда, а босые ноги с земельными разводами чувствовали холод и гладкость мрамора.

Ирис подняла взгляд на затылок первого Жреца. Высокий, стройный и широкоплечий мужчина, а идеальный череп, очерченный короткой стрижкой рыжих волос, казался Ирис странным.

Мирт провёл Ирис по коридору до конца и встал возле последнего прохода у окна. Ирис помнила, что Мирт никогда к ней не наклонялся, не опускал голову, только переводил вниз глаза – и снизу это часто выглядело не дружелюбным или жутким.

И Мирт, опустив на Ирис лишь тёмно-зелёные зрачки, мягким жестом указал внутрь. Несмотря на наличие предметов, крошечная комната ощущалась Ирис пустой и тяжёлой.

– Там твоя новая одежда, – сказал Мирт.

Повернувшись, Ирис увидела, что он указывал на табурет. На нём лежал ровный квадрат одежды песочного цвета, а под ним стояла обувь.

– Ремесленники сшили тебе подходящий размер. Переодевайся. Мы проведём тебе инструктаж по храму, а вечером

– подстрижём. У тебя будет несколько дней на освоение, пока мы, учитывая уникальность обстоятельств, дорабатываем твой план обучения. Не медли. – И Мирт задёрнул полотно.

Оставшись одна, Ирис развернулась и смотрела на комнатушку перед собой; и чувствовала себя маленькой как муравей. А когда шаги Мирта стихли, в коридоре послышались шепотки двух самых младших учеников одиннадцати лет. Точнее они были самыми младшими до появления Ирис.

Как Ирис сказали позже – она стала самой молодой ученицей, которая когда-либо была, и это учитывая все роли, во всех кланах всех домов. Ирис прекрасно помнила то неподъёмное для маленьких, хоть и крепких, плечиков давление; и ответственность, которую она тогда не понимала. А никто и не пытался ничего объяснить. Они только говорили, что делать, как и когда; и при этом имели стопку ожиданий и надежд.

Ирис помнила, как в первые года ей с трудом удавалось отодвинуть тяжёлое полотно, которое должно было быть всегда отодвинуто при выходе из комнатки. Для этого, Ирис будто тайком, использовала табурет – неся, а не толкая по полу; после возвращала его на место и укладывала в ровный квадрат белый комбинезон. В первое время это занимало много времени, как и основная одежда. А кувшин с водой постоянно менял место в пределах пяти сантиметров.

Ирис помнила взгляды: младшей и старшей группы. И Ирис помнила странную смесь досады и облегчения, когда

не занималась вместе с другими учениками; и ту странную скованность и напряжение в общении, редкие с ними уроки, которые позже перестали случаться.

Ирис до сих пор ловила на себе взгляды учеников, в том числе из других ролей, и также взрослых жителей клана; изредка слышала их шепотки – и чувствовала себя ещё более обособленной чем в детстве. И ни тогда, ни сейчас Ирис не лгала себе, когда вспыхивало желание-мысль: что она просто хочет быть как все, просто хочет вписаться в клан.

*

Воспоминание увядало и Ирис снова слышала голос Алтея – как монотонное бормотание. Ирис почувствовала, что в спину упирается взгляд – и остатки воспоминания и его производные мысли остекленели и осыпались осколками. Ирис вздохнула, стёрла с лица печаль и надела спокойствие Жрицы – уткнулась ладонью в тупой угол квадрата перил и развернулась.

Наискосок от лестницы у прохода стоял Флокс. Худой мужчина среднего возраста со светло-смуглой кожей, чёрными, короткостриженными волосами, с длинным носом и узким подбородком; а серо-голубые глаза смотрели на свою единственную ученицу. Флокс кивком головы указал внутрь второго зала, направился в ту сторону и исчез из поля зрения Ирис.

В речи Алтея настала пауза, и поднялась неуверенная рука белокурой девочки.

– Да? – сказал он. И Ирис сошла с последней ступени.

– А почему первородные? – сказала девочка. Ирис шла к проходу и не смотрела в сторону вводного урока. – Точнее... я имела в...

Рука Алтея оборвала девочку – он кивнул, и дал ответ:

– Они первородные – первые дети Мирдрева. Как вы знаете, всего их пять. Идеальные, божественные и могущественные. Второродные – вторые дети Мирдрева, те кто пришли позже – это духи.

Дойдя до прохода, Ирис остановилась – обернулась и устремила взгляд на Алтея.

– По численности их всегда было меньше, чем людей. Они как смесь физического и нефизического, могут иметь разные формы и размеры, большинство похожи на дивных животных, а изредка во внешности подобны нам. Когда-то давно, в дни до Ве-ка, они жили рядом, а часть их среди нас в городах. Но после Ве-ка их никто не видел. Мы не знаем, остались ли они на погибшей родине или подались куда-то ещё. Так же, как и не знаем, почему не последовали за нами. И третьеродные – те, кто пришли третьими – это мы с вами, люди. Физические творения из плоти и крови, но с магией в наших сущностях, что мы обычно называем душа. И в большинстве случаев, мы не говорим второродные по отношению к духам, и третьеродные по отношению к людям. Просто: духи и люди.

Зная, что медлить больше нельзя, Ирис отбросила голос

Алтея в сторону, ускорила тихий, выученный (или как она иногда в голове шутила с кислым лицом: вымученный) шаг и вышла из главного зала.

IV

Меньший зал был пуст. Столбики света из узких, вытянутых окон слева – яркие и тёплые – прорезали полумрак, а справа – едва давали приглушённый свет. Впереди вырисовывалась серебром высокая, двустворчатая дверь без украшений. Приглушённое эхо шагов Ирис, а за её спиной – монотонные отголоски урока. В котором Алтей продолжал вливать нужные знания в юные головы – те, которые когда-то вливали в его голову и использовали примерно те же самые слова и построения информации. Ирис надеялась, что, когда она станет старше, ей никогда не придётся исполнять задачи временного или постоянного учителя; и также она надеялась, что никогда не станет чьей-либо наставницей.

Крыльцо, залитое солнцем, вытянулось во всю ширину храма. Так же, как и сто ступеней без перил и с двумя переходными площадками. Внушительные колонны вращались в фасад двухэтажного, вытянутого здания. А плоская крыша была очерчена ребристым парапетом. Недалеко и справа – словно сородич возвышалось цилиндрическое здание хранилища: пять этажей из такого же белого мрамора, с таким же ребристым парапетом на крыше, и с такими же высокими дверями из серебра, а, начиная с высоты второго этажа, по кругу шли узкие окна с серебряными рамами.

Щурясь, Ирис вышла на крыльцо и, прикрывая левый

глаз, сделала из ладони козырёк.

Низкорослое, плотное поселение, численностью в двести пятьдесят один человек располагалось в низине и утопало в ярком свете. Серые цвета, один, изредка два этажа и трава на двускатных крышах – взгляд Ирис пробежался по множеству домов, напоминающие каменные коробки, без ограждений и сплетённые между собой лабиринтом троп-дорог. На них были рассеяны столбы из тёмного металла с пустыми чашами для сфесве. Всюду произрастала разнообразная зелень, встречались каменные скамьи с плетёными сиденьями, а редким деревьям освобождалось место для свободного роста.

Различные металлы рам, дверей и столбов поблёскивали от солнца – будто переговаривались между собой; а зелень и трава крыш в приветствии искрились остатками утренней росы. В окружении домов как проплешина находилась мощёная, круглая площадь в центре поселения. Над площадью парил прозрачный кристалл в форме ромба высотой в пять метров – и он завораживал даже на расстоянии.

На юге, западе и севере поселение было окружено чащей дубов с густым подлеском, а на востоке начиналась холмистая долина. Над волнистой линией горизонта, подёрнутой дымкой бесконечности, поднималось солнце, а между холмов текла река, которая брала начало из леса на севере, где притаилась маленькая гора.

За спиной щёлкнула дверь, и раздался голос:

– Ирис.

Опуская руку, она развернулась и увидела наставника. Он опёрся на колонну, вросшую в фасад.

Руки вдоль тела, ладони прижались к бёдрам – и сгибая ног, Ирис поклонилась корпусом и головой как одной линией в отточенном, но плавном движении:

– Доброе утро, – сказала она.

Выпрямившись, Ирис увидела, что Флокс не шелохнулся. Приветственный поклон по отношению к детям был не обязательен. Но Ирис уже восемнадцать лет и поклон требовался. Рядом никого не было и Ирис не удивилась, что наставник пренебрёг этим правилом. Она подумала, что раз никого нет то и она могла бы пренебречь этим правилом. Как она, несмотря на неприятное, скребущее ощущение в груди, прежде уже делала множество раз (и даже будучи ребёнком).

Флокс взглянул на закрытые двери, и сказал:

– Ты снова слушала урок просвещения?

– Немного. Прости, что задержалась.

– Ты же знаешь, что они всегда говорят одно и то же, хоть и немного разными словами. Я понимаю, что у тебя было не так, но это ведь не плохо.

– Верно, – сказала Ирис и опустила взгляд. И, смотря на серые прожилки мраморного, литого пола, она добавила: – Я это знаю.

– Да и тем более, тебе...

– Я знаю, – перебила она как можно мягче, но давая по-

нять, что эту тему развивать не хочет.

Повисла пауза. Ирис пожалела о своих словах и напряглась. Она подняла взгляд, увидела на лице Флокса подобие понимания и удивилась. Он кивнул, отвёл взгляд и смотрел вглубь поселения. А Ирис с опаской смотрела на спокойное лицо наставника и не знала разозлила его или нет.

– Идём, – сказал Флокс. Он спиной оттолкнулся от колонны и направился к лестнице. – Пора начинать урок.

Помедлив, Ирис посмотрела в сторону долины и опустила взгляд на поселение. Там едва можно было разглядеть отличное от жилых здание. Как одноэтажный дом-гриб, а чёрная конусная крыша не имела травы. В голове затрепыхался огонёк идеи. Но Ирис тут же бросила в него горстку песка из страха и игнорирования.

В храме было запрещено использовать магию всем, кроме Жрецов, а им только некоторую. Нога сошла с сотой ступени – и Ирис, ожидая указания, подняла взгляд на затылок наставника.

Команды не было. Сжав край туники и помявшись, Ирис сказала:

– Перемещение?

– Нет, – ответил Флокс.

– Нет?

– Позже. Тебе полезно прогуляться. Солнце, воздух. Ты ведь не ела?

Зная, что Флокс и так знал ответ, Ирис едва удержала

недовольный вздох.

– Нет, – ответила она. – Как и все Жрецы с утра.

– Вода?

– Конечно.

«Как и все Жрецы с утра.», – удержала Ирис в себе, зная, что во второй раз это могло вызвать раздражение.

– Но, – Флокс посмотрел на ученицу через плечо и пробежался по лицу. – Что я говорил о сне? – Он отвернулся. – Ты же знаешь, как сон важен, особенно для нас.

– Я... – растерялась Ирис. – Не очень хорошо спала...

«Конечно, пребывание в Грани не даёт сил, а забирает их.», – подумала она.

– Всё думаешь о своём предстоящем посвящении? Поэтому опять слушала просвещение?

– Немного думаю, – ответила Ирис и опустила взгляд; успокаивала себя тем, что это частично было правдой.

Думая о сне-не-сне и об увиденном творении, Ирис замедлила шаг – обернулась и посмотрела на храм. Единственный вход поблёскивал как закрытая пасть. На втором этаже Ирис нашла своё маленькое арочное окно – самое крайнее к крыльцу; а под ним рос дуб – единственный с этой стороны храма. И вздохнув так, чтобы не услышал наставник, Ирис отвернулась; прогоняла и откладывала все мысли, уплотняла стенки пузыря игнорирования и подавления.

*

Пока Флокс и Ирис петляли между домов, она смотрела

себе под ноги.

У всех, кроме Жрецов, были длинные волосы, и они убирались в простые, практичные причёски. В основном с распущенными волосами ходили только маленькие дети, так как ещё не имели роли. Бороды у мужчин так же были длинными или средними, убирались в хвост, косу или несколько, или заплетались частично; бывали и короткие бороды, бывали и очень длинные, и только Жрецы всегда были гладко выбриты.

Все жители носили одинаковую одежду и были поделены на цвета: тёмно-зелёный, сине-фиолетовый, красно-оранжевый, светло-серый, песочный, белый, бежевый; и у всех была одинаковая тёмно-коричневая обувь. Так как Жрецы проводили бóльшую часть времени в храме то песочный цвет встречался изредка. И к облегчению Ирис, пока не показался белый – цвет двух самых малочисленных ролей.

В большинстве своём люди держались каждый своего цвета. Половина передвигалась на ногах, а вторая половина использовала магическое перемещение, которое у каждой роли было своё.

Стройные и подтянутые Флоры носили тёмно-зелёный цвет и не носили обувь (только когда холодно). На головах многих были плетёные венки из цветов: как из свежих, так и из сохранённых с помощью магии – они напоминали гербарий, но более свежий и сочный. Флоры передвигались по воздуху, используя полупрозрачные, магические крылья,

точно сотканые из воды, – в форме насекомых или их смеси, с зелёными или голубыми оттенками.

Двое из Флор осматривали дерево, мимо которого проходили Флокс и Ирис. Одна Флора, паря на крыльях бабочки, осматривала травяную проплешину на крыше и думала нужна ли помощь. В стороне трое учеников сидели на каменной скамье и плели венки из травы и фиалок. Ещё двое поливали цветы в каменных клумбах – они удерживали большие металлические лейки с помощью зелёных стеблей, которые, заменяя кисти, выросли из рук, а выше вены через кожу были подсвечены зелёным цветом.

Всюду по поселению и вне него встречался сине-фиолетовый цвет, который носили Охотники. И половина из них не носила обуви. Поджарые и гибкие, в них была видна ловкость и сила. Как и у Флор, перемещение Охотников – полупрозрачные, магические крылья. Но они были крупнее и точно сотканы из плотного воздуха – имели формы хищных птиц и их смеси, с фиолетовыми, синими или серо-синими оттенками.

Охотники летали над домами в разных направлениях и наблюдали за поселением; помогали всем, кому нужна была помощь (и кому была не нужна); следили за порядком, вмешивались во все маленькие споры и даже когда был (или казалось, что был) намёк на них. А большой отряд, набрав высоту, летел клином в южную часть леса.

Когда Флокс и Ирис углубились в поселение, вокруг стал

встречаться красно-оранжевый цвет, который носили Ремесленники. Различное телосложение и сила, но, как и все жители, они были стройными. Перемещение Ремесленников – это плавная телепортация – становясь полупрозрачными, они, напоминая смазанных, увядающих призраков, быстро перемещались на расстояние.

Несколько Ремесленников отправлялись в разные части поселения и несли в руках металлические ящики с различными изделиями быта для жителей. Крупные предметы Ремесленники переносили по одному-трое с помощью магии – предметы обволакивали полупрозрачной, но видимой энергией, и удерживали руками; а вены кистей и рук до локтей были подсвечены бледно-белым светом. Какие-то Ремесленники возвращались со сломанными предметами, как: металлический стул, шкаф, порванный половик, разбитая посуда из глины, и прочее; но сломанного всегда было мало.

Не встречаясь с Ремесленниками взглядом, Ирис нашла их кузницу, но мастерскую не было видно из-за жилых домов. Взгляд зацепился за конусную, чёрную крышу без зелени и Ирис посмотрела на её верхушку – она будто была срезана, а поверх надела круглую решётку.

Из-за дома вышел юный Ремесленник, посмотрел на Ирис – и та отвела взгляд в правую сторону. Там, недалеко от кузницы, находился склад: вытянутое здание с плоской, голой крышей. В подвальных этажах хранились общие запасы продовольствия; на наземном этаже – небольшая его часть, а

также различные предметы и материалы.

Ирис увидела, как от склада взмыло несколько Флор с плетёными корзинками и полетело в сторону долины. Отводя от них взгляд, Ирис наткнулась на четырёх старших Хранителей в светло-серой одежде – они парили как тяжёлые перья. Магическое перемещение Хранителей – вуаль левитации – тело, вместе с одеждой и волосами, обволакивала полупрозрачная магическая вуаль синего цвета; и было едва видно напряжение корпуса тела и плеч.

С плавностью Хранители приземлились у молодого дерева и вуаль развеялась, уходя в тело. К ним со стороны склада приближалось двое старших Ремесленников. И смотря на них, Ирис едва не врезалась во вставшего Флокса.

– Жди здесь, – сказал он, и направился к Хранителям. Оставшись одна, Ирис не знала куда деть глаза и сжимала едва видимые швы на разрезах по бокам туники.

Ирис поглядывала по сторонам – на привычное течение рутины; но ни с кем не встречалась взглядом. А когда Ирис чувствовала взгляд на себе ей хотелось исчезнуть. И Ирис посматривала на наставника, Хранителей и подошедших Ремесленников – их тихий разговор постоянно сопровождался короткими кивками.

Минуту не чувствовался ни один взгляд. Ирис не удержалась и начала поворачивать голову – увидела черный цвет крыши и одёрнула себя. Едва заметно встряхнув головой, Ирис попыталась вытряхнуть вновь вспыхнувший огонёк

идеи. Но идея обрастала навязчивостью и волочила за собой подругу – такую же безумную.

В стороне раздался детский смех – Ирис вздрогнула и перевела взгляд на играющих детей в бежевом. Брат и сестра с разницей в один год. К ним приблизился их отец Ремесленник и велел быть тише. На это девочка, которая была очень на него похожа, что-то сказала ему – и он улыбнулся с теплотой.

Ирис смотрела на улыбки – улыбку родителя, улыбку ребёнка – и в душе заскреблась печаль того, чего она никогда не имела. Смотря сквозь них, Ирис гадала о том, как выглядели её родители, какими они были и что случилось на самом деле. Ирис прикрыла веки и попыталась вспомнить хоть что-то. Но, как всегда, только несколько быстрых секунд размытого воспоминания – пятна и очертания, которые никак не складывались в чёткую картинку; а какие-либо детали были потеряны в бездне памяти четырёхлетнего ребёнка. Возникло яркое пламя – веки распахнулись и сердце застучало в горле. Ирис опустила взгляд и уже помнила о дубовом лесе вокруг поселения Пларас и о том, как её нашли. Но и это воспоминание не имело чёткости.

Стук сердца успокаивался, а Ирис следила за крупным чёрным жуком. Он, переползая преграду из веточки, перевернулся на спину и зашевелил ножками. Ирис знала, что её родители мертвы. Она не знала, как и откуда это знает; не знала, что случилось. Но знание, что они мертвы всегда сто-

яло плотным комом – как камень. Ирис не помнила родителей и в ней не было скорби и настоящей утраты; но сожаление и печаль что их нет были заключены в этом камне.

Присев, Ирис отвела соединённые колени в левую сторону и пальчиком подтолкнула жука. Он, вернувшись на брюшко, пополз к спасительной траве на обочине тропы-дороги.

Флокс вернулся – и они пошли дальше через поселение. Ирис была рада уйти дальше от детского (не очень громкого) смеха, от улыбок семьи, от чёрного жука в траве, от голого конуса кузницы, и от своих мыслей.

Флокс и Ирис вышли из поселения на юго-востоке. Остановившись, Флокс выдохнул.

– Ладно, – сказал он. – Перемещение.

Ирис повернула к нему лицо и кивнула. Начиная от ладоней, они в миг налились бело-золотым светом – и, свернувшись спиралью, исчезли как обратная вспышка. Быстрая телепортация, или чаще: телепортация – магическое перемещение Жрецов.

Глава II – Нарушители

I

После полудня гроза примчалась в поселение и загнала всех по домам. Ирис сидела в своей комнатке на полу и радовалась тому, что её удручающий и раздражающий урок оборвался; и тому, что в грозу погружение было запрещено. У кровати стоял металлический поднос, на нём в глиняной глубокой тарелке находились остатки обеда: злаково-ягодное пюре с мелкими семенами; рядом с подносом, возле чашки осталось несколько орехов и сухофруктов. Ирис взглянула на наполовину опустевшую чашку с остывшим травяным чаем – и поморщила нос.

Смотря на серость и бушевание непогоды через закрытое окошко, Ирис снова думала о творении, странном сне-не-сне, и обо всём что с этим связано. И она снова не находила ответов и объяснений. И она снова ощущала странную, необъяснимую тягу к творению, хоть и не такую невыносимую как до этого.

*

Гроза закончилась ближе к вечеру. Отодвинув полотно до предела, Ирис покинула комнатку, вышла на балкон и наткнулась на Флокса, который шёл к ней.

– Сегодня не будет погружения, – сказал он. – Решение первого Жреца. И мне нужно помочь с уроком для младших учеников. Так что ты...

Он увидел двух выходящих старших учеников из коридора, взял Ирис под локоть и отвёл в сторону. Подождав, когда ученики достигнут ступеней, Флокс понизил голос:

– Найди спокойное место в лесу и продолжай практику, поняла? – Ирис кивнула. – Только не на наше место, в ту сторону сегодня отправлен отряд Охотников. Они, конечно, не дойдут до поля, но всё же. – Зная, что указ наставника не будет исполнен, Ирис кивнула; и местонахождение тихого места она уже знала, но ни за что не сказала бы ему. – Возвращайся, когда опустятся сумерки, может к этому времени Мирт передумает. – Ирис кивнула. – Будь осторожна, – сказал Флокс ей вслед. Что означало: никому не дай увидеть свою практику.

*

Косые лучи солнца пробивались через просветы расползающихся серых облаков. Дубовая чаща восхищала долгожителями – ветки вздымались к небу, а большая часть леса была сокрыта в тени густой кроны. Между необъятных стволов буйствовал подлесок кустарников, травы, папоротников и иной зелени.

Вдали от поселения, маршрутов отрядов Охотников и блужданий Флор притаилась полянка, частично залитая солнцем. Ирис сидела в сплетении корней дуба, будто в крес-

ле, и опёрлась спиной на ствол.

Коснувшись затылком ствола, Ирис прикрыла веки и наслаждалась спокойствием. Поваленное дерево справа – взмокшее и взбухшее от влаги – источало запах гнили влажной древесины; птицы щебетали в глубинах чащи; копошились зверьки и оценивали ущерб своих жилищ; с некоторых листьев скатывались последние капли; а тени удлинялись и густели.

В груди Ирис возникло отчётливое присутствие того, кого она уже встречала множество раз. Лицо обдало прохладное дуновение, но листва не шуршала. Ирис улыбнулась и открыла веки. Перед лицом парил сгусток синего пара размером с кулак, а глаза-точки и рот-полоска были из голубого света.

– И тебе привет, Облачко, – сказала Ирис. Она посмотрела в сторону – искала между стволов и кустов, и на ветках. – А он где?

Перенимая на себя внимание, Облачко прокружилось несколько раз в воздухе и издавало весёлые, урурукающие звуки, тем самым веселя Ирис. Довольное собой, оно подлетело ближе. С озорным взглядом и улыбкой Ирис наклонила голову налево, ткнула пальцем в тельце из плотного, прохладного пара и пошевелила кончиком, щекоча. А Облачко издавало тонкие, прерывисто-урурукающие звуки похожие на смех.

В кроне деревьев раздался шорох – улыбку Ирис смыло,

а Облачко юркнуло в кусты. Ирис напряглась, взялась рукой за самую высокую дугу корней и смотрела наверх.

Хруст и шорох раздались с одной стороны. Через секунду – с другой. Ирис ощутила присутствие – расслабилась и опустила руку. А Облачко вышло из укрытия.

– Я знаю, что ты там, – сказала Ирис. – Выходи. Не бойся.

Но существом двигало вовсе не любопытство и не интерес, которые иногда появлялись у некоторых сородичей Облачка по отношению к Ирис. Удивительная птица вылетела из листвы. Крупная сорока с оперением голубого цвета, глаза были чёрные, клюв и когти – синие; и две пары крыльев. Птица летала суетливо и юрко; и, увидев Ирис, она пикировала.

Сорока-дух приземлилась на поставленное колено Ирис и зачирикала, как сорока, но тоньше и мелодичнее. Птица опомнилась – встряхнула головой и уставилась на Ирис. Между ними создался канал – как мягкий выдох из головы в голову, но не в отсеке для мыслей, а будто в специальном для этого месте.

«Беда!», – крикнул тонкий женский голос в голове так громко что Ирис поморщилась. «Опасность! Чужаки!»

– Что...? – обомлела Ирис. Перед тем как она встала, сорока-дух успела вспорхнуть. И повернувшись к ней, Ирис сказала: – Показывай!

Звонко чирикнув, сорока-дух полетела, а Ирис последовала за ней по земле. Облачко покачнуло тельцем, будто го-

ловой; издало тихие, урурукающие звуки и, паря витиеватой траекторией, последовало за ними.

*

На дубе вспыхнул бело-золотой свет – и в миг из спирали развернулась Ирис. Она встала на толстую ветку, ухватилась за верхнюю и пальцами коснулась лапок сороки-духа; а со спины подлетело Облачко. Ткнув клювом, птица указала вниз и в сторону. Ирис поддалась вперёд, посмотрела через просветы листвы в том направлении – ахнула и отстранилась. Сердце kloкотало в груди и в горле, а на лице застыли: изумление, страх, смятение.

Там стоял худой юноша с голубыми глазами и со светлыми, засаленными волосами длиной до мочек ушей. В просторной, затасканной одежде тёмных цветов: штаны, рубаха, потёртые кожаные сапоги. Поверх был надет удлинённый жилет до колен в отличном состоянии: тёмно-коричневая плотная ткань, не было карманов, был капюшон, а деревянные пуговицы – расстёгнуты. Грудь юноши пересекал ремень старой, кожаной сумки, висящей на левом боку. С этой же стороны из-за жилета выглядывала простая серебряная рукоять кинжала из потёртых ножен. Рядом с ремнём сумки, грудь пересекал ремешок – на нём, на спине был колчан со стрелами, а рядом лук.

– Эй! – позвал низкий мужской голос. Ирис, сглатывая страх и теснее сжимая ветку, поддалась вперёд. – Плющ!

Юноша оторвал глаза от верхушки высокого дуба и устре-

мил взгляд в правую сторону – его товарищ стоял на камнях возле ручья. Коренастый мужчина средних лет, в чёрной бороде и волосах до плеч пробивалась седина. Он был одет в похожую одежду, но в хорошем состоянии, а поверх – идентичный жилет; похожая кожаная сумка пересекала грудь, такая же серебряная рукоять в ножнах. Ремешки, точно от рюкзака, были на плечах и соединялись чуть выше груди, а на спине, в креплениях были: арбалет и короткий колчан с болтами.

Светло-серые зрачки бегали по лицам, странной для Ирис одежде и непонятным для неё предметам на спинах. Наличие кожи и дерева на нарушителях привело к единственному выводу.

– Изгой, – прошептала Ирис; а голова закружилась от волнения и паники. – Я... надо сказать... найти Охотников. Найти Совет... Лидера.

Она пыталась собраться и вспомнить, где могли бы быть Охотники и был ли сейчас отряд в лесу.

– Дурман, – позвал Плющ. Подходя, он запнулся об корень и едва не упал. – Я...

Кустистые, чёрно-седые брови Дурмана соприкоснулись, нависая над серыми глазами:

– Не отставать, – сказал он.

– Мы куда-то торопимся? – усмехнулся Плющ. И, трясся носком обуви, он опёрся рукой на молодое дерево. Но норовистый кусок земли с листком никак не хотел расставаться

с подошвой.

Лицо Дурмана осунулось недовольством:

– Не умничать, – сказал он.

Отвернувшись, Дурман вынул из внутреннего кармана удлинённого жилета компас. И, глянув на двухконечную стрелку, Дурман поднял взгляд и смотрел в сторону куда ни одна из них не указывала. Там возвышался холм с редкими кустарниками, а на его верхушке, как миниатюрном плато, лежало наполовину сгнившее дерево.

– Хм-м, – произнёс Дурман.

С секундной задержкой Ирис ахнула – она поняла, что он смотрел в сторону поселения.

Поставив ногу на землю, Плющ сказал:

– И почему орден послал только нас двоих?

«Орден?», – нахмурилась Ирис.

– Видимо она решила, что мне одному будет скучно, – ответил Дурман. Он обернулся и усмехнулся: – Боишься?

Сделав маленький шаг, Плющ раскраснелся и намеревался возмутиться – но, раскрыв рот, осёкся и не знал, что сказать. А Дурман расхохотался.

Ирис решила, что пора действовать. Сжимая и разжимая кулаки, она пыталась собраться и решить, куда переместиться.

Вздыхнув, Дурман убрал компас обратно. Ирис повернулась к духам и прошептала:

– Будьте осторожны.

Она, держа в уме клочок места, в миг налилась бело-золотым светом, свернулась спиралью и исчезла.

*

На краю поселения, где тропа вела на небольшой холм и в лес, возникла Ирис и в смятении осматривалась. Возвращаясь из леса, группа в сине-фиолетовом летела клином. Ирис замахала руками и едва подавала голос. А узнав среди них первую Охотницу, она выкрикнула:

– Рута!

Увидев юную Жрицу, Охотники спустились к ней, свернули магические, полупрозрачные крылья – и те, исчезая, растворились в теле. Четверо старших Охотников: две женщины и двое мужчин; и юноша – старший ученик.

Из отряда выступила Рута. Смуглая женщина с тёмно-серыми глазами и с иссиня чёрными волосами – две косы по бокам были сплетены из трёх тонких; и в этом шаге была видна гибкость, ловкость и сила – внутренняя и физическая.

– Что случилось? – сказала Рута.

Опомнившись, Ирис быстро-нервно поклонилась в приветствии. Рута ответила быстрым, плавным кивком головы, и ожидала ответа.

– Я..., – сказала Ирис. – Они... – Она втянула воздух, и выпалила: – Изгой! Я видела их! И они... они идут в нашу сторону! В-в сторону поселения... Сюда!

Лица Охотников обомлели, а затем ожесточились.

– Успокойся, – сказала Рута. – Сколько их было?

Сглотнув и сделав неполный вдох, Ирис ответила:

– Двое.

Рута повернула голову к отряду.

– Вязель, – сказала она. Старший ученик сделал шаг вперёд, а его каштановый низкий хвост соскользнул с плеча на спину. – Найди Совет или Лидера, сообщи им о случившемся, а также всем Охотникам, которые тебе встретятся по пути. Пусть старшие Охотники запретят покидать поселение, а несколько отрядов отправятся прочёсывать территорию и велят всем возвращаться.

– Понял, – кивнул Вязель.

На спине словно в вихре ветра возникли магические крылья, выглядящие как крылья сапсана с серо-синим отливом. Чуть присев, Вязель расправил крылья, взмыл и полетел вглубь поселения.

– Рута, – обратился к своей первой загорелый, рыжеволосый мужчина с тремя косами в бороде, – отправится за подкреплением?

– Нет, – ответила Рута. – Мы можем не успеть.

– Уверена? – сказала женщина с двумя светлыми косами.

– Да, – ответила Рута. Мужчина с кучерявой головой и бородой хотел что-то сказать, но Рута его опередила: – Ты, – сказала она, смотря на Ирис. Та вздрогнула, отняла взгляд от Вязеля и опустила на неё. – Показывай.

Ирис сглотнула, кивнула – и Охотники приблизились. Она отпустила швы на разрезах туники и, сдерживая клокочущее

волнение, протянула руки. Чтобы не показать дрожь, Ирис мысленно наливала кисти жидким камнем.

К похолодевшим рукам коснулись четыре тёплые ладони, и Ирис сказала:

– Д-держитесь ближе. И крепче.

Шагнув, Охотники встали вплотную и сжали руки Ирис. Она, чтобы не видеть их лица, прикрыла веки и сосредоточилась на месте. Жрецы редко используют своё перемещение на других; и точно это делают не ученики. Но в лицах Охотников не было тревоги по этому поводу. Ирис знала почему – они знали кто она; и это ей не нравилось.

От рук Ирис вспыхнула бело-золотая энергия, в мгновение поглотила её и спутников – они свернулись спиралью и исчезли. А стоящие в это время в стороне: Флоры, Ремесленники, Жрец и Хранительница – смотрели на опустевшее место с озадаченностью и тревогой; они слышали слово: изгой.

На том месте, где несколько минут назад были нарушители, из вспышки возникли Ирис и четыре Охотника.

– Они... они были здесь, – сказала Ирис. – И направились туда. – Она указала на холм с гниющим деревом.

Рута кивнула Охотникам и первой расправила магические крылья, напоминающие ястребиные с тёмно-фиолетовым отливом. Остальные тоже расправили крылья – вместе с первой взмыли и рассредоточились по воздуху.

Смотря на них, Ирис не знала, что делать. Помявшись,

она последовала за Охотниками. Она использовала телепортацию Жрецов и, держась на расстоянии и находясь выше, перемещалась с ветки на ветку.

*

Нарушители шли по верху небольшого оврага и ощущали что-то неладное – им казалось, что весь лес наблюдает за ними. Ирис встала на толстую ветку и держалась за ствол. Она намеревалась опустить взгляд, но на своей высоте заметила что-то яркое и, повернув голову, всмотрелась в листву. Нечто оранжевое и крупное промелькнуло совсем рядом – и на лице Ирис возникла тёплая полуулыбка. Но она сменилась тревогой. Ирис нашла Охотников на ветках разных деревьев ниже неё, и выдохнула – всё внимание Охотников было приковано к тем, кто внизу.

Позади нарушителей наверху хрустнула ветка – они вздрогнули и обернулись; Плющ раскрыл рот, но Дурман заткнул его до того, как вышел звук и с силой стиснул лицо. Взгляды нарушителей скользили по веткам и между необъятных стволов, а уши прислушивались – и не желали что-либо услышать.

Позади нарушителей приземлилась Рута и их спины обдало воздухом. Они развернулись и увидели грозное лицо, а за спиной – раскрытые в стороны крылья. От центра ладоней Руты по венам растеклась серо-синяя магия до локтей – и в резком выбросе рук она обдала нарушителей мощным порывом магического ветра. Их отбросило на несколько метров –

они ударились о дуб и упали в папоротники и лопухи.

Нарушители приходили в себя и садились со стонами. Ру-та шла к ним и держала наготове разведённые в сторону руки. Двое мужчин-Охотников приземлились по обе стороны дуба – крылья были раскрыты в угрозе, а руки с такой же магией как у их первой были разведены в стороны.

Плющ переводил взгляд от одного Охотника к другому, и не знал к чему потянуться непослушными руками – к луку на спине или кинжалу на боку.

Поднимаясь и морщась, Дурман сказал:

– П-подождите.

Сверху опали листья. Дурман посмотрел наверх и похолодел, а по телу прошли мурашки. В тени, на толстой ветке сидела женщина на корточках подобно дикой кошке, свесила руки между ног и запястьями касалась ветки; одна светлая коса лежала на спине, вторая свисала; за спиной были расправлены крылья с тёмно-синим отливом; а глаза на сокрытом в тени лице блеснули. Было в Охотнице что-то нечеловеческое, хищное и пугающее.

Увидев Дурмана, Плющ поднял лицо – обомлел и забыл все указания старшего товарища. Отталкиваясь пятками и запястьями, Плющ отползал в сторону и, натываясь ягодичами на корни, огибал дуб; кое-как совладал с собой и, разворачиваясь, запинаясь, поднялся и побежал.

Охотница, будто ныряя, прыгнула с ветки руками вниз. Крылья смыло, в ладонях на лету вспыхнула фиолетовая ма-

гия и быстро протекала по всем венам – от кончиков пальцев, которые изменились на чёрные лапы, по телу прошла волна плотной дымки точно сжимая и смывая человека. На землю приземлилась пантера и с рыком бросилась за нарушителем. Отступив назад, Дурман сделал судорожный вздох, в следующий миг его прижали силой воздуха к дубу спиной – и он увидел перед собой загорелого, рыжеволосого Охотника с тремя косами в бороде. Он направлял руку на Дурмана, а вены до локтя сияли серо-синим ярче, чем на опущенной руке.

Плющ обернулся – побелел и, запнувшись, упал на землю. Пантера не дала ему подняться, напрыгнула на спину и издала рык. Она схватила Плюща зубами за одежду на спине как за шкурку, приволокла обратно, бросила к ногам кучерявого Охотника – и он прижал Плюща к дубу рядом со старшим товарищем.

– Послушайте! – сказал Дурман. – Мы не желаем вам зла.

Стоя между Охотниками и в шаге от них, Рута подняла голову и устремила взгляд на верхние ветки – в животе Ирис ёкнуло, а по телу прошёл жаркий всплеск волнения.

Тряся руками, Ирис выдыхала через трубочку губ. Собравшись, она сделала вдох и телепортировалась с ветки на землю.

Рута опустила голову, подалась к Ирис и прошептала:

– Нужно их... отключить. Можешь?

Рута выпрямилась, а Ирис кивнула. Рута всмотрелась в

её лицо – и, отдавая приказ, кивнула в ответ. Чувствуя кру-
говорот в кишечнике, Ирис прошла мимо двух Охотников,
взглянула на пантеру, севшую как страж; вошла в папорот-
ники и лопухи, и остановилась перед нарушителями.

– Послушайте, – сказал Дурман, – мы вам не угроза. Мы
пришли с миром.

Ирис шагнула к Плющу, в неуверенности подняла левую
руку – и в ладони возник бледный, белый свет, но в венах
он не появился. Плющ мотал головой, растряхивая сальные
волосы, и втянул голову в шею.

– Пожалуйста..., – сказал он.

– Слышите меня?! – пытаюсь пошевелиться, сказал Дур-
ман. – Мы вам не враги, мы другие!

Ирис коснулась лба Плюща – его глаза закатились, а мыш-
цы расслабились. Она убрала руку – и голова свесилась.

Ирис шагнула к Дурману – и он, извиваясь, попытался вы-
свободиться из магической хватки, а в руке вспыхнула белая
магия.

– Слушай... мы... я... – Ирис коснулась его лба, и он от-
ключился тоже.

Охотники отпустили магию – нарушители упали и нава-
лились друг на друга.

Рута повернула голову к рыжеволосому Охотнику.

– Лети в город и сообщи, где мы находимся, – сказала она.
Он кивнул, расправил крылья и улетел. А Рута посмотрела
на оставшихся Охотников: – Проверьте территорию.

Пантера взяла след и убежала в сторону откуда пришли нарушители. Кучерявый Охотник раскрыл руки – вспыхнула фиолетовая магия и пробежала по венам, а по телу прошла волна плотной дымки – он обернулся орлом и улетел в другую сторону.

Ирис смотрела вслед орлу, пока тот не скрылся за листвою. А Рута осматривала нарушителей и забирала у них вещи и оружие.

II

Послышалось шуршание – Рута и Ирис подняли взгляды. К ним опускалось семь фигур в белой одежде. Их тела, длинные волосы и одежду обволакивала полупрозрачная, синяя вуаль левитации; а плечи и корпуса тел были слегка напряжены. Не только Хранители использовали этот тип магического перемещения, но и Совет, и Лидер. Ведь в Совет избираются Хранители, а в Лидеры кто-то из Совета (чаще всего их голова).

И у спускающихся было то, чего не было у других ролей – полупрозрачные светло-серые накидки длиной почти до щиколоток, с широкими рукавами и с капюшонами. Накидки развевались от плавного, будто скольжение по глади воды, полёта, но капюшоны не спадали с голов.

Совет в полном составе приземлился – подола накидки опадали и смыкались по центру; напряжение из плеч и корпусов ушло; лёгкое усилие мысли, блики магии в ладонях – и вуаль левитации развеялась как дымка, ускользящая в тела. Шесть пар рук поправили капюшоны на головах; а один из них – голова Совета – снимая капюшон, шагнул вперёд.

Низкорослый, светло-смуглый мужчина. Добродушное лицо было испещрено морщинами, короткая каштановая борода редких волос, а в длинных волосах, убранных за уши, полосами проблёскивала седина.

Опустив руки вдоль тела и прижимая ладони к бёдрам, Рута и Ирис поклонялись Совету головой и корпусом как одной линией. Обычное приветствие, но в отношении Совета оно явно ощущалось иначе. А в Ирис, имеющееся у всех уважение, булькало странной тяжестью и отторжением. Отчасти эти непонятные ей эмоции каждую редкую встречу с Советом превращали в пытку.

Следом за Советом приземлилось несколько старших Охотников. Среди них был старший ученик Вязель – и Ирис догадалась, что скоро будет его посвящение. Возможно, примерно в тот же день, когда и её посвящение.

Не поклонившись, шесть членов Совета кивнули, что отобразилось в трепыхании их капюшонов, и перетекли в сторону. Седьмой – голова Совета – не кивнул и встал напротив Ирис. Он устремил на неё взгляд серых глаз; и несмотря на то, что она была немного выше, ощущалось так будто он смотрел сверху вниз.

– Это ты их обнаружила, – сказал он. – Так? Что ты делала так далеко от поселения?

– Я... я прогуливалась и, вероятно, задумалась. А после... интуицией почувствовала что-то неладное и наткнулась на них.

Протяжный, слегка хмурый взгляд, и голова сказал:

– Видимо мы должны сказать спасибо твоей задумчивости. И твоей интуиции.

Он повернул лицо к нарушителям и насупился. Ирис

взглянула на деревья, ощущая, что те, кому принадлежала эта благодарность, находились там.

– Падуб, – обратилась к голове Совета Рута, – что нам делать?

Он с несколько секунд смотрел на нарушителей, и вернул лицо к Ирис.

– Ты это сделала? – сказал он. Она кивнула. – Приведи их в чувства.

Ирис кивнула, засемила к нарушителям, присела и по очереди коснулась лбов с бледной, белой магией в ладони. Моргая, нарушители приходили в себя, садились и осматривались.

Пока Ирис отходила в сторону, Падуб посмотрел на Руту и сказал:

– Обездвижь.

Нарушители не успели ничего возразить или сделать, как Рута создала вокруг них ветряные канаты. Они прижали руки к телам, а запястья друг к другу.

– Советую, – сказал Падуб, – не пытаться освободиться и тем более использовать магию.

Плющ оглядел грозные лица Охотников, которые не убрали магические крылья, и которые были готовы к любой попытке спасения.

– Послушайте, – на выдохе сказал Дурман. – Мы вам не угроза.

Падуб подошёл к нарушителям, встал в шаге от их стоп и,

смотря сверху вниз, сказал:

– Кто вы? Откуда пришли? Как нашли нас? Что вам нужно?

– Я думаю вы и так, поняли, что мы изгои, – сказал Дурман. – Но мы другие.

– М-хм.

– Правда! – сказал Дурман. – Мы вам не угроза.

– Да, ты уже это говорил. Что ещё?

– Мы пришли с миром.

Падуб изогнул бровь в насмешке:

– Да? – сказал он. – И что это за мир такой?

– А..., – растерялся Дурман. – Ну, это больше выражение... чем... эм...

Стоя в стороне, Вязель посматривал на Ирис. Она, едва заметно переминаясь на месте, было открыла рот, мельком взглянула на шестёрку Совета – и передумала.

– Как вы нашли нас? – сказал Падуб. – Зачем вы пришли? И не пытайся лгать.

Надев на лицо дружелюбие, Дурман начал:

– Мы пришли как друзья. – От последнего слова Падуб поморщился недовольством. – Мы не знали где вас искать, это была случайность. И мы...

Не выдержав, Ирис сжала края туники и сказала:

– Падуб.

Она не видела лица Падуба, но его недовольство как стальной нож плавно входило в грудь и давило на вдох. Но

Ирис уверяла себя, что не будет более подходящей возможности подать голос. А голос подать было необходимо.

– Что? – сказал Падуб.

– Я-я слышала, как они говорили про орден. Что они из него... из ордена.

На лице Падуба возникло возмущение, а брови опустились. Он обернулся и смотрел на Ирис через плечо:

– Орден? – сказал он. – Все ордены были упразднены ещё до Ве-ка. Что ещё ты слышала?

От волнения Ирис похлопала ресницами и сильнее сжала края туники, но ответила:

– У него был какой-то маленький круглый предмет в руке и... и мне показалось что они точно знали куда идти. И они шли к нам!

Поджав губы, Дурман смотрел на Ирис. А почувствовав на себе тяжёлый взгляд, он поднял глаза на Падуба и сказал:

– Мы новый орден. Относительно...

Рута прошла к снятым вещам. Порывшись, она подняла круглое изделие из дерева со стеклом и показала его Ирис.

– Да, – кивнула она. – Это тот предмет.

Падуб прошёл к Руте, взял предмет и, нахмурившись, вертел и смотрел, как передвигалась двухконечная стрелка. Падуб бросил предмет в кучку вещей и, возвращаясь на прежнее место и глядя на Ирис, сказал:

– Это компас. Изгои используют его чтобы определять стороны света. Так что ты права, – он перевёл ледяной взгляд

на нарушителей, – они знали куда идти.

– Да, – кивнул Дурман. – Мы шли в этом направлении, но мы не знали, что здесь есть клановцы. Мы исследовательская группа.

– Группа из двух человек? – сказал Падуб и встал на прежнем месте возле стоп нарушителей. – Все изгои знают, что в диких лесах живут кланы. И как же твоё: «мы пришли с миром»?

– Это просто выражение, чтобы вы... не знаю, нас не покалечили. И я говорю, мы...

Падуб качнул головой:

– Хватит, – сказал он. – Мы узнали достаточно.

– Достаточно? – насторожился Дурман.

Падуб поднял руку, направляя ладонь на нарушителей – глаза Плюща распахнулись, Дурман напрягся. Прежде чем они успели раскрыть рты, в ладони Падуба возник яркий, бело-голубой свет – и в нарушителей ударил заряд магии, пронзая и обволакивая. Ветряные канаты развеялись, а нарушителей парализовало.

– Дальше мы будем решать этот вопрос только с Лидером, – сказал Падуб. Он повернул лицо к Руте: – Несите их в заброшенный дом.

Пока Охотники шли к пленникам, Падуб развернулся к Ирис.

– Переместись в поселение, – сказал он. – Иди в хранилище, обратись к первому Хранителю и попроси антимагиче-

ские наручники, две пары. Приноси их к заброшенному дому на западе, на окраине. Поняла?

Ирис кивнула. И Падуб смотрел как она использовала перемещение Жрецов.

*

Остатки туч рассеялись, солнце клонилось к горизонту и заливало поселение Пларас яркими лучами со стороны леса на западе. Автоматически зажигались сфесве в чашах столбов и в домах. Неся корзинки с крышками, последние Флоры возвращались из долины и ставили их на складе. А группы Охотников продолжали патрули в лесу и в поселении.

Высокие, серебряные двери хранилища поблёскивали в лучах заката. Ирис сделала вдох, а на выдохе – первый шаг.

Рука протянулась к ручке и Ирис услышала знакомый голос:

– Эй! Что ты здесь делаешь?

Вздвогнув, Ирис повернулась на голос и увидела первого Хранителя. Высокий, худой мужчина с глубокими глазницами и со светлыми волосами, заплетёнными в свободную, низкую косу. Ирис опустила руки вдоль тела и поклонилась, сказав:

– Сфа́гнум...

Приближаясь, он, делая круговые движения, замахал кистью:

– Да-да-да, – сказал он. Когда Ирис выпрямилась, то увидела, что над ней нависают ярко-голубые глаза. – Зачем ты

здесь? Ты же знаешь, что в это время вход в хранилище для других ролей закрыт.

– Да, конечно. Простите, пожалуйста. Но Падуб послал меня за антнарами. Две пары. Для наших пленников. У нас есть... пленники, теперь.

– Ах, да, – выпрямился Сфагнум, – я слышал.

Он оглядел нескольких Хранителей, которые стояли в стороне и что-то обсуждали. Взгляд остановился на женщине – Сфагнум щёлкнул пальцами и сказал:

– Эй.

К нему повернулись лица. Те, кто увидели, что смотрят не на них, вернулись к обсуждению; а женщина подошла к первому Хранителю. Близко посаженные, красивые глаза, несколько рыжих кос соединялись на затылке и сплетались в одну, а толстый кончик касался лопаток.

– Выдай ей антнары, – сказал Сфагнум. – Один ящик.

Женщину обволокла вуаль левитации, и она скользнула внутрь хранилища. Ирис посмотрела на Сфагнума, который направился к подопечным, и осталась стоять одна. Её тело словно забыло, как правильно стоять и ощущало дискомфорт, а взгляд уткнулся в землю.

Вернувшись, рыжеволосая Хранительница встала перед Ирис и развеяла вуаль, а в руках был металлический ящик из светлой магсеры с ярко-красным отливом. Ирис опустила на него взгляд и её охватило волнение – у неё неосознанно вспыхнула ассоциации с рукоятью творения из сна-не-сна. У

него была иная магсера – самая чистая и прекрасная, лунная и искрящаяся. Хотя для остальных этот ящик имел самую чистую магсеру, несмотря на столь яркий отлив.

Ирис приняла ящик и ощутила прохладу. Хранительница сняла с запястья цепочку с ключом из этого же металла и надела Ирис на шею. И от каждого соприкосновения с кожей Хранительницы, Ирис хотелось невольно одёрнуться и сжаться.

– Наручники давно не вынимались, – сказала Хранительница. – Перед использованием, отдай их на проверку первой Ремесленнице. – Ирис кивнула. А Хранительница надавила взглядом: – Только первой Ремесленнице, никому другому.

– Я поняла.

– Вечером она должна быть в кузнице.

– Хорошо, – кивнула Ирис. – С ними можно использовать перемещение?

– Да, но только когда они в ёмкости, и на небольшие расстояния. В пределах поселения ты будешь в порядке. Удачи.

Хранительницу обволокла вуаль – она воспарила и вернулась внутрь хранилища. Ирис, неся тёмное сокровище, ощущала странную, давящую магию, которая вызывала отторжение даже через защитные чары ящика – будто они протягивали к ней сдавливающие, антимагические щупальца. И отойдя от хранилища, Ирис переместилась.

*

Ирис переместилась в восточную часть поселения и вста-

ла перед большим цилиндром из камня с голой чёрной крышей будто с отрезанным концом. Недалеко за кузницей находился склад. Справа от кузницы находилась мастерская: небольшие, одноэтажные квадратные и прямоугольные строения с низкими, голыми крышами с одним скатом.

Большинство Ремесленников закончили работу и разошлись по домам. Через открытую дверь в одном из зданий мастерской были видны поручни для ткачества, которое производилось при помощи магии. Как и всё что изготавливали Ремесленники. За другой дверью виднелись заготовки и части мебели из различного металла. А за ещё одной дверью виднелись гончарные станки, которые крутились при помощи магии; и навряд ли хоть один Ремесленник марал руки о глину. Разве что младшие ученики, когда только учатся использовать магию таким способом.

Толстые, металлические двери кузницы были распахнуты. Поджав губы, Ирис переминалась на месте и смотрела внутрь цилиндра без окон и замершую в нём полутемноту. Прямо, у стены стояли стеллажи с инструментами и слитками металлов; в высоких металлических ящиках находилась различная руда и неогранённые, пустые на магию кристаллы; а между ними стояло несколько столов со странными металлическими приспособлениями и лупами. В центре, в углублении пола находилась большая чаша, наполненная заострёнными красными кристаллами – они мерцали будто пламя, от них исходил жар и искажался воздух. Поверх чаши

находилась решётка, которая регулировалась по высоте с помощью цепей, прикреплённых к металлическим балкам под конусом крыши. А из верхушки конуса на решётку и кристаллы падал рассеянный свет вечера.

Внутри кузницы находилось несколько мужчин и женщин в красно-оранжевой одежде – они что-то обсуждали и решали.

Один из Ремесленников шёл от зданий мастерской в кузницу.

– П-пожалуйста, – обратилась к нему Ирис. Он остановился и повернул к ней лицо. До того, как их глаза встретились, Ирис поклонилась в приветствии. А, выпрямляясь, она сказала: – Мне нужно увидеть первую. – И она быстро добавила: – Вашу первую.

Ремесленник выпрямился после быстрого поклона, опустил взгляд – увидел то, что принесла Ирис – кивнул и вошёл внутрь.

– Лилия, – звал он, уходя вправо, вглубь здания.

Из кузницы вышла миниатюрная женщина с округлым лицом и с золотистым пучком из косы на макушке – он восседал как плетёный шарик; а карие глаза смотрели на гостью. До того, как первая Ремесленница остановилась, Ирис поклонилась, а выпрямляясь, увидела остановившиеся стопы.

Первая поприветствовала Ирис в быстро-плавном полупоклоне.

– С ними что-то не так? – сказала Лилия.

– Эм, нет. Не знаю. Их нужно проверить перед использованием.

Лилия кивнула, сняла с Ирис ключ, взяла ящик и скрылась в кузнице. А Ирис, стряхивая с себя непривычные, лёгкие прикосновения, была рада избавиться от ноши и испытала временное облегчение.

Возле крайнего домика мастерской Ирис увидела двух юных Ремесленников – они что-то обсуждали с быстрой жестикуляцией. Огонёк безумной идеи всколыхнул в голове – и на секунду Ирис подумала шагнуть к ученикам. Но она не сделала и полушага.

Через несколько минут Лилия вернулась, отдала металлический ящик и повесила ключ на шею Ирис, которая едва заметно и безотчётно сжимала челюсти от мимолётных соприкосновений.

– Всё в порядке, – сказала первая. – Ты можешь идти. И, развернувшись, Лилия не увидела кивка Ирис.

III

Маленький заброшенный дом – как каменная коробка без двери, рам и стёкол; в крыше, поросшей буйством травы, находилась дыра, а на другом скате росло маленькое дерево. Возле домика стояло бело-серое облако членов Совета, но их голова отсутствовал. Они смотрели внутрь через пустой проём, по бокам которого стояло четверо Охотников. Среди них были: Рута и Вязель.

Ирис сделала вдох и на выдохе шагнула к ожидающим. Она, поглядывая на них, прошла мимо и вошла в домик.

Внутри остался только плиточный пол и две каменные перегородки по бокам от двери – как коридор – длиной в два шага; а после – пустота помещения, рассчитанного на одного. Напротив проёма – в центре – на пыльно-грязном полу стояли замершие пленники будто статуи. А рядом стоял Падуб.

– Наконец-то, – сказал он и развернулся к Ирис. – Почему так долго?

– Простите. Но мне сказали, что перед использованиями их лучше проверить у первой Ремесленницы, поэтому я зашла в кузницу.

– А, хорошо. – Падуб взял ящик из светлой магсеры. – Открывай.

Ирис сняла ключ с шеи, сжала его во взмокшей ладони и,

смотря на скважину, шагнула к Падубу. В кланах почти не было замков, а соответственно – ключей; но принцип Ирис был известен.

Стиснув зубы, Ирис сунула ключ и повернула. Раздался щелчок – и крышка открылась, уткнувшись в грудь Падуба. Внутри лежали три пары антнаров: массивные наручные кольца с толстой цепью между ними из тёмной магсеры. Она выглядела как чёрное серебро с насыщенным фиолетовым отливом. Если бы Ирис не знала, что это магсера (точнее один из её типов) – она, наверное, никогда бы не догадалась. Мысль о том, почему магическое серебро так потемнело и что за чары использовались при изготовлении – пускала мурашки по спине и шевелила волосы на затылке. А их близость порождала в Ирис сильное отторжение до физической тошноты.

Падуб встряхнул ящиком. Ирис взглянула на недовольное лицо, взяла одни антнары за цепь, почувствовала их проникающий холод – и поморщилась. Сдерживая большую часть отвращения, Ирис стиснула зубы, сжала губы и, широко раздувая ноздри, шагнула к крайнему пленнику, которым оказался Дурман. Пока Ирис, пересиливая себя, брала наручники за кольца и раздвигала их, Падуб поставил ящик на пол, взял вторую пару и шагнул к Плющу.

Четыре щелчка, и металл будто ожил – став гибким он принял подходящий размер запястий. Когда наручники замерли – пленники ожили. Первое выражение их лиц: рас-

терянность и отвращение; и они опустили взгляды. Плющ ужаснулся и, тряся руками, отступил. А лицо Дурмана перекосила злоба:

– Снимите это немедленно! – сказал он.

Падуб и Ирис направились к выходу. Не оборачиваясь, Падуб сказал:

– Не пытайтесь сбежать, если не хотите, чтобы мы вас ещё и связали. – И до его спины дотянулось гневное бормотание Дурмана.

Когда Падуб и Ирис вышли, она заметила в кучке вещей пленников что-то, что блеснуло серебром. Веки чуть приоткрылись – и, смотря на рукоять чего-то что было в кожаных ножнах, Ирис едва не врезалась в Падуба, который остановился. Она только сейчас по-настоящему рассмотрела рукоять – и только сейчас увидела схожесть.

Падуб повернул лицо к Совету и сказал:

– Где он?

Несколько членов Совета пожали плечами, и Падуб вздохнул. Он перевёл взгляд на Охотников.

– Теперь для охраны хватит и одного, – сказал он.

Он собирался выбрать кто именно, но его прервал сильный порыв ветра со стороны чащи – как шуршащий и стонущий скрипами крик природы. Порыв волной прошёлся по листве, сбивал с ног, пронизывал ткань, развевал длинные волосы и трепетал полупрозрачные подола накидок Совета. А деревце на крыше с хрустом переломилось.

Порыв ветра стихал, провисала тишина. Ирис ощущала, что нечто тревожное и большое оседало как незримый туман. Она взглянула на соклановцев – и поняла, что они этого не ощутили.

Громкий шелест и хлестание веток нарушили тишину – и взгляды устремились в ту сторону. Из чащи выбежала пантера – и на лицах возникла тревога. Ведь Охотники не используют форму животных в поселении.

Пантера сбежала с небольшой возвышенности, вбежала в поселение и в торможении взрыла влажную почву. Ноздри раздувались, бока часто-часто поднимались и опадали, а в глазах застыл ужас. Начиная с передних лап Охотница в волне плотной фиолетовой дымки смыла с себя облик животного и стала человеком. Фиолетовая магия из вен ускользнула в ладони и погасла.

Стоя на четвереньках, Охотница села на пятки, подняла взгляд на Падуба, и на выдохе сказала:

– Отвергнутые!

Тревога присутствующих сменилась на страх. Ирис ахнула и отступила на шаг. А Охотница, укрощая страх и панику, сделала вдох и добавила:

– Они близко. У нас мало времени.

Первым совладал с собой Падуб. И, смотря на Вязеля, он сказал:

– Сторожи пленников. – Он повернулся к Руте. – Вы знаете, что делать.

Первая Охотница кивнула и, раскрывая магические крылья, сказала:

– Охотники за мной!

Они раскрыли крылья и взмыли вслед за ней; на лету получали указания и разлетались в разные стороны.

Ирис смотрела на разлетающихся Охотников, не разбирала ни слова из-за шума крови в ушах и шуршания нового порыва ветра, который через километры доносил приближающуюся опасность.

– Ирис. Ирис. – Перед ней возникло недовольное лицо Падуба. – Ирис!

Она перевела на него зрачки:

– Да? – сказала она.

– Нужно чтобы кто-то остался с пленниками, на случай если им станет плохо. Позови кого-нибудь из старших Жрецов.

– Я могу.

Падуб смотрел на Ирис с несколько секунд – решил, что для этого не подойдёт старшая ученица, но решил, что для этого подойдёт она – и кивнул.

Вязель и Ирис стояли по разные стороны проёма домика и наблюдали за тем, как улетал Совет. Солнце почти скрылось за кроной дубов. Металлы столбов, рам и дверей – поблёскивали, будто махая на прощание солнцу, чаще, друг другу, жителям, и желали удачи.

С тревогой Ирис перевела взгляд на чашу и настраивала

внутреннее ощущение. Она нащупала: Облачко, сороку-духа, и третьего духа, которого она уже видела несколько раз. Фиолетовый крупный кролик с ярко-розовым глазом по центру.

Усилием мысли Ирис создала общий канал, будто мягко выдыхая из своей головы в их. И, наморщив лоб, Ирис сказала:

«Вы меня слышите?»

«Да», – ответила сорока-дух.

А Облачко проурукал в канал.

«Вы будете в порядке?», – сказала Ирис. «Вам нужно спрятаться и...»

«Не переживай», – перебила сорока-дух. «Мы умеем прятаться.»

Говоря мужским голосом, кролик-дух сказал:

«Они нас не пугают. Почти. И, если что мы можем защитить себя. Ты же знаешь.»

«Да, верно», – сказала Ирис и выдохнула с облегчением. «Тогда вам лучше отправиться к остальным.»

Общий канал закрылся. Ощущение духов вытягивалось, удалялось и рассеивалось. Ирис выдыхала через трубочку губ и массировала висок; жалела, что не практиковала этот способ общения с духами больше, так как считает его не удобным и сложным.

Вязель с тревогой смотрел вглубь поселения. Ирис взглянула на него, и с трепетным волнением опустила взгляд на

кучку вещей. Но Ирис знала, что сейчас не до этого. Почувствовав на себе взгляд, она посмотрела внутрь домика – на пленников. Она увидела на их лицах тревогу. Но в глазах Дурмана также стоял странный интерес – и Ирис, едва удерживая на нём взгляд, нахмурилась.

*

Сумерки густели и расплзались по поселению Пларас. Все жители вернулись из долины и чащи. Запирался склад. В хранилище царила суматоха, но и выученная организованность. Детей и пожилых уводили в храм, с совсем маленькими оставался кто-то из родителей; а Жрецы располагали всех в двух залах и успокаивали.

Круглая площадь – как проплешина среди травяных крыш – кладка-мозаика из квадратов и прямоугольников серого камня. Вокруг жилые дома, а в центре находилась воронка песка с плавным углублением в метр. Над ней парил большой и многогранный, прозрачный белый кристалл высотой в пять метров – в форме ромба, и нижним концом указывал в углубление воронки. В центре, где смыкались две части многогранного ромба, внутри находилась белая сфера. Её края плавно перетекали как у плотного, парового облака. Пребывая в привычной дремоте, кристалл точно дрейфовал на воде – крутился вокруг себя, плавно оседал и приподнимался.

Сложив руки за спиной, а плечи одна линия, по площади ходил Лидер клана – Люпін. Светлокожий, высокий и

стройный мужчина средних лет со светло-серыми глазами, с широкой челюстью, без бороды и с длинными чёрными как смоль волосами – передние пряди были сплетены в тонкие косы, отведены назад и соединены на затылке в хвостик. Лидер, как и Совет, был одет в белое, и имел такую же полупрозрачную накидку с широкими рукавами и с капюшоном, но белого цвета.

К Лидеру подлетали и докладывались старшие Охотники – он кивал, спрашивал, уточнял и давал новые указания. Совет приземлился на площадь, и Падуб кивнул Лидеру. Тот с беспокойством посмотрел на кристалл и сказал им вслед:

– Если будет нужна дополнительная мощь для сердца, зовите.

Совет приблизился к сердцу, разулся и вошёл в песок воронки, утопая в нём по щиколотку – распределялся по кругу, вставал и поднимал взгляды.

– И помните, – сказал Падуб, – сначала освещение, потом – защита.

Словно после множества репетиций, руки Совета одновременно поднялись – в ладонях вспыхнула белая магия, расплзлась по венам и заползала под рукава туники. От ладоней отошли лучи белого света – и, струясь подобно воде, они через стенку сердца вошли в сферу. От прикосновения магии та встрепыхнулась, а кристалл пробудился от дрёмы и закрутился быстрее.

Веки закрылись, лица сосредоточились – Совет всколых-

нул сеть магических вен поселения, выделил нужные и передал единую команду, будто источник этой мысли принадлежал одной голове, а не семи. И везде погас свет. В чашах на уличных столбах, в храме и хранилище, на складе, в жилых домах, в мастерской, а в кузнице погасли красные кристаллы.

Лица Совета напряглись – новое сосредоточение. Сердце налилось бледным светом, тихо загудело, закрутилось быстрее и завибрировало, а от него завибрировали песчинки воронки.

Стоя возле заброшенного домика, Ирис снова смотрела на серебряное изделие в ножнах, перевела взгляд на Вязеля – и вздохнула. Они увидели свет и посмотрели в сторону площади. Им была видна только верхушка сердца. Из неё в небо ударил столб белой энергии – и там, достигнув заданной точки в небе, от столба расплзлась магическая пелена. Она опускалась и формировала прозрачный купол, будто из стекла.

Стены купола опустились и ушли в землю – луч исчез, а сердце ушло в дрему. Опустив руки, Совет вышел из песка, но не обувался, и не покидал площадь.

*

Последний луч ускользнул из чаши и солнце скрылось. Только звёзды и полная луна на чистом небе освещали местность блеклым сиянием. Вся живность попряталась или убежала прочь, а деревья и растения точно окаменели. Интуи-

тивно чувствуя близость опасности, жители затихли – замерли на местах и вслушивались в тишину.

Волнение разрасталось. Напряжение сгушалось. Страх, покалывая, покачивался в воздухе. А ожидание растягивалось и становилось невыносимым. Но надежда что повезёт, что опасность обойдёт стороной, ещё теплилась внутри жителей – как маленький огонёк. Огонёк, который через секунду заледенел и упал, разбившись на тысячи осколков.

Из дубовых зарослей раздался душераздирающий, нечеловеческий и неживотный крик – как сигнал и угроза. Крик пролетел над густой кроной, между стволов и веток – и волной накрыл поселение, пронзая уши и души его жителей. Ужас и паника охватили всех; в храме послышались детские плачи, которые, несмотря на страх, пытались успокоить. Никто ни бежал, ни кричал. И если бы учащённые сердцебиения бились созвучно, то в этой тишине, повисшей на пару секунд, возможно было бы услышать этот быстрый ритм.

Только пару секунд.

Раз. Тум. Ту-тум.

Два. Тум. Ту-тум.

Возник громкий шум. Нечто большое прорывалось сквозь заросли – шелестело листвой, ломало ветки, и приближалось волной. Не всем жителям удавалось сохранить хладнокровие, и многие отступали назад от источника опасности.

Сжав кулаки похолодевших рук, Вязель прошёл вперёд и всматривался в тёмные заросли леса. Недалеко от него нахо-

дилась Ирис – она смогла сделать только пару шажков. Пленники воспользовались возможностью – приблизились к проёму и, теснясь, выглядывали, но через порог не переступали.

Из зарослей как залпы выскочили бесформенные существа из чёрного пара – летели-падали на поселение; испуганные и ошарашенные глаза жителей следили за полётом в бледном свете ночного неба. Существа ударились о стену магического купола, который вспыхнул белым в местах соприкосновений, отскочили от стены – упали на землю и расплющились.

Паровые нарушители один за другим возникали из темноты чащи с жуткими воплями, наполненными огненной яростью – они окружали купол, бились о его стены, отскакивали и падали на землю или обратно в заросли; приходили в себя, собирались обратно в столбы и снова устремлялись в атаку. От атак купол, сопротивляясь, источал белое сияние, которое давало дополнительное освещение местности.

Посмотрев на испуганную Ирис, Вязель шагнул к ней, но что-то привлекло внимание – и он поднял взгляд. Наверху, от центра купола щит начал истончаться – как пятна разводов на стекле; они стремительно увеличивались и скоро должны были дать брешь.

– Ах! – На секунду Вязеля сковал страх. – О, нет!

Он сорвался с места, подбежал к Ирис и ткнул пальцем вверх. Она подняла взгляд – паника пошла в разгул, танцующая со страхом, но Ирис старалась сохранять спокойствие и здра-

вый рассудок. Она опустила голову, Вязель проследил за её взглядом – сердце.

Вязель и Ирис не видели, как Совет шагнул обратно к сердцу, вошёл в песок, поднял руки и сосредотачивался. Магия заструилась из ладоней и в сферу – сердце вновь пробудилось от дрёмы: закрутилось, приглушённо загудело и завибрировало, и источало бледное сияние, точно лунный осколок. Из верхушки сердца ударил луч, тоньше оригинального в два раза, соприкоснулся с верхом купола и подпитывал его энергией. Истончения уплотнялись, уменьшались и снова сливались со стеной. Руки Совета не собирались опускаться – они продолжал питать защиту через сердце.

Вязель и Ирис смотрели вдаль на стену купола – они, делая круг, поворачивались, а взгляды медленно скользили.

– Это и вправду они? – сказал Вязель.

– Да, – ответила Ирис. – Отвергнутые.

Нечто словно взяло за голову – Ирис остановила взгляд и смотрела через стену купола в нескольких метрах от них. По ту сторону несколько отвергнутых пытались пробиться. В ненамеренном действии Ирис протянула нить к их сущностям и ощутила испепеляющую ярость. Но за этим пламенем, и в нём, было что-то ещё – то, что было знакомо Ирис.

Разочарование. Потерянность. Страх. Но ассоциации Ирис были лишь как пшик над игольчатым морем эмоций.

А после Ирис ощутила то, чего сама не имела.

Боль. Обида. Ярость. Они распирали отвергнутых изнут-

ри.

– Что они делают?! – воскликнул Вязель и указал на стену купола.

Переведя взгляд правее, Ирис не увидела новых истончений, поэтому не сразу поняла о чём он. Она всмотрелась через стену и обомлела. Несколько отвергнутых по ту сторону купола объединялись и сливались в паровое месиво.

Чёрная туча клубилась, формировалась в подобие шара, и поднималась выше, и выше. Туча замерла на высоте двух метров – с громким воплем ярости вытянулась и ударила в стену купола. От удара раздался странный хлопок, а стена в этом месте начала истончаться. Вязель ахнул, оступился и рухнул на бок. Ирис окаменела. Плющ в проёме вздрогнул и взвизгнул. Дурман, вцепившись в раму проёма, сохранил самообладание. А чёрная туча от удара отскочила, рассыпалась на изначальных существ – и они россыпью попадали в разные направления.

Приходя в себя, отвергнутые сливались, поднимались и готовились нанести следующий удар. Ирис переместила взгляд с них на истончения – и ахнула. Несмотря на поддержку купола Советом, брешь не успела бы восстановиться.

– Не выдержит! – сказала Ирис.

Не думая, она сорвалась с места – подбежала к куполу и подняла руки. Белая энергия вспыхнула в ладонях и, просвечиваясь под одеждой, растеклась по венам рук до шеи и груди, а кисти и запястья поглотил свет. Заряд был настоль-

ко мощен, светился так ярко, что не было видно кожи и ногтей, точно кисти были сотканы из света. Не смотря на страх, Вязель, глядя на Ирис, изумился. Изумился и Дурман, но и также он наблюдал за ней с интересом и восторгом.

Отвергнутые собрались в паровую тучу-шар и готовились нанести удар. Отступив на полушаг, Ирис отвела руки назад. Шаг вперёд и, присев, она ударила ладонями по стенке купола. Магия сработала как вспышка – истончения срастались, а стена купола уплотнялась.

С воплем туча отвергнутых ударила в купол столбом в то же место. Ладонями Ирис почувствовала покалывание и вибрацию; она не отшатнулась от удара, успела себя подготовить, но всё равно – ужас клокотал внутри и кричал диким смехом, носился и разбрасывал панику. Месиво отскочило и как града камней рассыпалось на множество отвергнутых по местности. От удара стенка истончилась и на секунду возникло небольшое отверстие. Но от ладоней Ирис передавалась энергия – и оно срослось; срастались и истончения, которые были как разводы.

Позади Ирис на том же месте находился растерянный, напуганный Вязель. Он поднялся и покачнулся на ватных ногах; понятия не имел что делать, что он мог бы сделать. Но он точно знал, что не смог бы укреплять купол как Ирис.

Не опуская рук, Ирис продолжала укреплять стенку купола и смотрела вверх как через стекло. В этот раз она была более уверенная, решительная: давай, я готова!

Но было что-то не так. Отвергнутые перестали вливаться в месиво и замерли в воздухе – клубились и чего-то ожидали. И не было понятно: это хороший или плохой знак.

По телу Ирис прошла волна мурашек, а волосы на голове зашевелились. Магия угасла в половину, ладони отстранились от стенки и её касались лишь пальцы; голова опустилась, а глаза смотрели перед собой. Ирис ощущала нечто иное, нечто более странное чем отвергнутые. Больше, сильнее. Намного сильнее. Но бóльшая часть того существа была словно закрыта за толстыми стенами.

Ирис водила взглядом по черноте чащи и её очертаниям; вслушивалась, точно хаос творившийся вокруг отмер. Глаза уловили движение – и душа Ирис задрезбуждала. Из темноты на свет ночи и купола, паря, приближался высокий силуэт. Тело состояло из плотного красного пара. Возникли линии, сотканые из красной энергии: очертания утончённого мужского лица и стройного тела; они мерцали частями – то наливались светом, то почти гасли. И только линии глаз были постоянны, а зрачки, словно из красно-оранжевого пламени, светились. Местами пар выходил за мерцающие линии тела и лица – и размывал их. Очертания длинных паровых волос были расплывчаты. Вместо ног клубился пар – ласкал землю и растворялся.

Неизвестное существо смотрело на остолбеневшую Ирис. В её горле пересохло, вдохи стали короткими и отрывистыми, желудок сжимался, а ноги будто вросли в почву. Не

успевший прийти в себя Вязель, стоял позади неё и замер в шоке. Плющ распахнул глаза и будто пытался сжаться в комочек. Дурман не потерял самообладания, но в нём качались: удивление, тревога, опасения.

Существо остановилось в двух метрах от стены купола и продолжало смотреть на Ирис. Она больше ощущала, чем читала по лицу – существо смотрело с непонятным ей беспокойством (или чем-то похожим на него), с интересом и с чем-то, что она не могла уловить.

Паровое пламя клубилось и завораживало. Забыв обо всём, Ирис опустила руки, смотрела только на существо, как под гипнозом; все звуки суматохи и атак затихли, удалились – перед ней существовало только оно. Они смотрели глаза в глаза – каждый пытался что-то понять друг о друге, но каждый наткнулся на стены.

– Что ты такое? – прошептала Ирис.

Красные линии глаз дрогнули – существо взглянуло наверх позади себя. Ирис проследила за взглядом – за его спиной, наверху, густея и набирая мощь, продолжала собираться чёрная туча отвергнутых. Ирис ахнула и пришла в себя. Несмотря на растерянность и страх, она наполнила руки магией и, шлёпнув, положила ладони на стенку.

Существо сорвалось с места – трансформировалось в красный столб пара – переместилось в сторону и, смотря на Ирис, возникло в первоначальном облике. И в этот момент чёрный столб ударил с воплем в купол. Вновь появились ис-

тончения и маленькое отверстие, которое срослось обратно. Отвергнутые распались, но собирались вновь, и быстрее, чем в предыдущие разы.

Красное существо вернулось. Ирис, зная, что не может позволить себе отвлекаться, не может дать слабину, опустила голову; чувствовала пристальный взгляд, на который ей, не смотря на страх, хотелось ответить.

Наконец, совладав с собой, Вязель понял, что ему следует делать, что он может сделать. Он вскочил и побежал по поселению – кричал и привлекал внимание, призывал всех, кто умеет укреплять купол делать это. Крики подхватывали жители и разносили весть по поселению.

К стенам купола стекались те жители, кто умел отдавать энергию для подпитки защиты, а таких было немного – все первые ролей, Флокс, несколько старших Охотников, Жрецов и Хранителей.

Готовился новый заряд удара отвергнутых. Ирис видела, что красный пар вместо ног приблизился ближе к стенке – и с опаской подняла голову. Они смотрели друг другу в глаза – всё что их разделяло это стена купола. Ирис едва дышала, сердце колотилось с перебоями, тело бросило в жар, а конечности окутал холод. Ирис не могла полностью нащупать его сущность, не могла понять, как бы не пыталась. И Ирис ощущала, как он пытался пробиться в её голову, и частично преуспел; но она не могла понять, что именно он хотел узнать, что именно увидел. На секунду Ирис даже подумала

снять с разума защиту, которой учат Жрецов, и которую она усилила во много раз учась самостоятельно и немного у духов. Стиснув зубы, Ирис заставила себя опустить голову и, усиливая защиту в голове, зажмурилась.

Существо отошло в сторону. Новый удар – Ирис выдержала. Готовился следующий.

Возле сердца к Совету присоединился Лидер и они усилил подачу энергии во много раз. Сердце крутилось быстрее, сияло ярче, сфера внутри замельтешила, а столб энергии расширился. Купол налился светом; Ирис поняла, что может не сдерживать себя, ведь никто не заметит – и она усилила подачу магии во множество раз.

Энергия из разных источников объединялась и создавался второй мощный купол, который сливался с оригинальным. Он уплотнился настолько, что по ту сторону звуки стали едва слышны, как за толщей воды. Да и выглядеть он стал будто сделан из мутной жидкости. Отвергнутых было по-прежнему видно, но расплывчато – как чёрные пятна. Совет отошёл от сердца, но оставался рядом. Лидер сократил тех, кто подпитывал купол и назначил им смены.

Ирис была из тех, кто остался у купола и подпитывал его. Несмотря на толщину стены и приглушённость звуков, Ирис видела расплывчатый красный силуэт – как большой язык пламени – скользил из стороны в сторону и пытался протянуть в неё нить. Ирис стало казаться, что существо хотело что-то сказать, но то ли оно не могло, то ли не знало как.

Ирис перевела взгляд на чёрные пятна и прошептала:

– Почему они так сильны?

Она чувствовала себя обманутой. То, как старшие об этом говорили, всегда представлялось, что если отвергнутые найдут их и нападут, то Совет просто установит купол-щит, а клан будет отсиживаться внутри и ожидать пока силы отвергнутых иссякнут.

Глава III – Урок

I

Темнота синела и растворялась в нарастающей градации света и тепла утра. Атака прекратилась, отвергнутые ушли, скрываясь в ускользающих тенях чащи, – и повисла странная тишина. А жители Пларас не могли поверить, что ночь закончилась.

Диск солнца показался над холмистой линией горизонта и первые лучи озарили местность. Защитный купол истончился – от него осталась лишь прозрачная плёнка, а сердце вернулось в привычный ритм и задремало.

На скамье, на плетёном сиденье сидела измождённая Ирис. Находясь в прострации, она смотрела в землю и думала о красном существе будто из плотного, парового пламени.

Кто-то разрыдался – Ирис вздрогнула и перевела взгляд в ту сторону. Возле дерева сидела девушка-Флора и плакала. Остальные Флоры успокаивали и приободряли её; а несколько из них и сами были готовы разрыдаться. Мимо проходил Ремесленник. Он глянул на Флор, но его лицо не переменилось – девушка не первая кого он сегодня видел со слезами.

Так Ирис и сидела в лучах утреннего солнца, с всхлипываниями в стороне, под первое щебетание птиц нового дня но-

вого месяца. И только порыв прохладного ветра напомнил, что сегодня наступила осень.

*

Поднимаясь по залитым солнцем ста ступеням, Ирис на крыльце храма наткнулась на своего наставника. Глядя на её усталое лицо, он в снисхождении поджал губы.

– Иди поспи, – сказал он. – Днём у нас урок.

Ирис кивнула и направилась к двери. Но когда рука потянулась к ручке, Флокс окликнул:

– Постой. – Ирис развернулась, увидела лицо, то, когда он подбирает слова, и насторожилась. – До атаки ты оставалась с тем старшим учеником-Охотником. – Он скрестил руки, и похлопал пальцами по предплечью. – Вы разговаривали?

– Немного.

На лице наставника отразилось неуверенное недовольство – точно он сам не знал, как реагировать (хотя то, как он должен был реагировать, он знал). Он, всматриваясь в лицо Ирис, заполз в её глаза.

– Ты же знаешь, – сказал он, – что ты должна держать дистанцию.

«Да, я помню. Как и все Жрецы.», – подумала Ирис. «Даже друг от друга.»

– Разумеется, – сказала она. – Но нужен был Жрец, я уже была там, и это Падуб разрешил мне остаться. Да и... я бы не назвала это разговором.

– Я знаю, – кивнул Флокс. – Но всё же... нужно... И Падуб

не Жрец.

– А голова Совета. Я думаю, он понимает.

На лице наставника отразилось лёгкое недовольство:

– Держи дистанцию, – сказал он.

– И что мне в следующий раз притвориться глухой? – Увидев, как брови наставника сводились друг другу и опускались, а в глазницах будто становилось темнее, Ирис внутри сжалась. – Я не... Я... – Она опустила взгляд. – Прости.

Она услышала вздох.

– Ты устала, – сказал Флокс. – Иди спать.

– Да... я... Да.

Не поднимая взгляда, Ирис развернулась и вошла внутрь храма – в объятия прохлады и массива мрамора.

II

В комнатнушке было светло, но через арочное окошко уже не падали лучи. С громким ахом Ирис распахнула глаза и села. Она часто дышала и хлопала ресницами – приходила в себя и осознавала, что это был сон-не-сон. Мозг, не получив почти никакого сна, растягивался в стороны усталостью, а мысли вяло бродили и запинаясь друг об друга.

Просыпаясь, Ирис вспоминала, что в тот момент, когда она провалилась в сон, реальность растворилась и предалась забвению. А образы, за которые было не зацепиться, не запомнить, перетекали из одного в другое. Но в какой-то момент, нечто схватило разум и уволокло за собой – затащило в Грань, протащило над лестницей из травы, через открытую светлую дверь в бесконечность белизны – и Ирис предстала перед творением, парящим на уровне пояса. Она протянула руку и взяла творение за искрящуюся рукоять.

Сидя на кровати, Ирис смотрела на пустую левую ладонь и будто бы видела полупрозрачный фантом творения и искринки его рукояти; ощущала, как вокруг творения, теряя значимость, обнажалось всё и осыпалась вся её жизнь. Но самое важное снова исчезло и оставило тяжёлый, необъятный призрак – невидимый и невозможный постичь; и более ощутимый налёт важности упущенного.

Ирис сжала кисть в кулак, прикрыла дрожащие веки – и

сосредоточилась только на моменте соприкосновения. В этот раз что-то было иначе. В этот раз не всё ускользнуло в небытие – творение выделило что-то из общей массы и Ирис уволокла это с собой. Но она не могла это понять. И в ней застыло ощущение сравнимое с тем, когда ты вот-вот вспомнишь слово и оно вертится на кончике языка; но только это ощущение вертелось на пиках сознания и было более невыносимое.

Издав тихий стон, Ирис умыла лицо руками и помассировала закрытые глаза. Она подтянула колени к груди и уткнулась в них лбом. Кто-то вышел в коридор и тихие шаги удалялись по его линии, а приглушённое эхо следовало за ними.

Изгои нарушили рутину. Отвергнутые нарушили рутину. Странные сны-не-сны нарушили рутину. Но всё что Ирис ощущала это растерянность и усталость.

Когда шаги стихли, Ирис подняла голову с полным решительностью и сомнением лицом.

*

Покидая храм, Ирис встретила по пути несколько усталых лиц. Пока она шла через зал, по крыльцу и спускалась по ступеням, внутри бушевало волнение. Но Ирис выталкивала из головы все рассуждения – знала, что тогда поймёт, как опрометчиво то, что она собирается сделать и тогда одумается.

Спустившись с сотой ступени, Ирис переместилась в западную часть поселения на окраине и затаилась за деревом.

Возле проёма заброшенного домика стоял Вязель. Радуюсь везению, Ирис вытолкнула волнение и страх, надела на себя естественность и уверенность – и направилась к домику. Приближаясь к нему, Ирис с досадой обнаружила что кучка вещей исчезла, но шага не замедлила.

Несмотря на то, что Вязель был старше Ирис на семь лет, она, как и он, уже через два месяца станет полноправным членом своей роли – станет старшей. А другие старшие ученики пройдут посвящение только в двадцать пять-двадцать шесть лет, как и положено. И Ирис знала, что и в её роли, и в других, очень часто не знают как себя с ней вести, особенно ровесники. Впрочем, и Ирис не знала, как себя вести с ними.

– Ирис? – удивился Вязель.

Встав напротив него, Ирис краем глаза заглянула в полутьму помещения. Напротив проёма, у стены сидели пленники, связанные по ногам и предплечьям – руки были прижаты корпусам тел, а кисти с антарнами лежали на вытянутых ногах. Плющ, коснувшись затылком стены, спал; а Дурман смотрел на Ирис.

– Я пришла проверить их здоровье, – сказала Ирис.

– А... – произнёс Вязель. – Ты? Я думал ты граник.

– Д-да, так и есть. Но мы все знаем базу целительства.

– Да, конечно, я не... Эм-м, – протянул Вязель и потёр запястье руки. – Просто почему не послали кого-то... другого?

– Старшие Жрецы заняты подготовкой к переезду. У младших учеников уроки, у старших учеников – практика.

Вязель нахмурился:

– Разве у тебя тоже не должно быть урока? – сказал он.

– У... у меня другая программа.

– Ах, да, точно. – Вязель почувствовал себя странно и отвёл взгляд. А Ирис едва удержала вздох. – Мне никто не говорил, что придут их проверять.

– Я тебе говорю.

– А, да, конечно. – Неловкость Вязеля возросла. Он мельком взглянул на Ирис и отступил в сторону. – Прости, я просто... Э-м...

– Был осторожен? Я понимаю.

Не глядя на Ирис, Вязель кивнул. Сжимая влажными ладонями края туники, она вошла внутрь; и внутри дрожала так, что закружилась голова. Идя вдоль перегородок, Ирис выпустила протяжный и прерывистый выдох; и не верила, что и в самом деле сделала это.

Приблизившись к центру пустого домика, Ирис увидела вещи пленников под отверстием окна справа. Ножны с серебряным изделием лежали поверх двух сумок, а его близнец находился с боку и опирался на стену. Внутри пульсировало волнение и нетерпение; Ирис обернулась и увидела, залитую солнцем, спину Вязеля в паре шагов от прохода. А Дурман, смотря на Ирис, нахмурился.

Ирис прошла к сумкам и, наморщив лоб и поджав губы, подняла ножны из кожи. Взяв рукоять левой рукой, Ирис вынула изделие – веки раскрылись, а в груди всколыхнуло. Вы-

ронив ножны, Ирис смотрела на изделие из серебра с клоко-чущими в ритм сердцем и душой, а в домике без стёкол и двери стало душно.

Хоть это изделие выглядело иначе – из обычного серебра, проще: прямая рукоять была тоньше, а клинок был острый и длиннее – но у Ирис не было сомнений что оно принадлежало к тому же типу, к тому же слову.

Развернувшись к Дурману, Ирис сказала:

– Что это?

Его взгляд опустился с её лица на изделие, а затем поднялся обратно.

– Кинжал, – ответил он.

Опустив взгляд, Ирис беззвучно проговорила это слово. Едва делая вдох, Ирис осознала, что именно это слово было в голове вчера, и сегодня. Чувствуя на себе любопытство, Ирис пришла в себя и подняла взгляд.

– Для чего он? – сказала она.

Веки Дурмана дрогнули и чуть прищурились; он облизнул нижнюю губу, пройдясь по ней зубами. Ирис ждала и давила вопросом.

– Это оружие, – ответил Дурман. – Точнее для нас, для ордена, это больше символ, мы почти не используем его как оружие. Для этого у нас есть кинжалы из обычных металлов. Обычно они больше, и используются в паре.

Нахмурившись, Ирис смотрела на кинжал, а в глазах провисали: озадаченность и запутанность. У Ирис не было ощу-

щения что творение являлось оружием.

– И... и что вы делаете с оружием? – сказала она.

– Ты имеешь в виду для чего оно? У вас нет ни одного?

– Очевидно... оно нам не нужно?

– Очевидно, – выдохнул Дурман. – Нам оружие нужно для защиты, или нападения. Так что как видишь, ничего нового в него не вложилось.

Нахмурившись, Ирис только больше запуталась. Она могла поверить, что творение было создано для защиты; но не могла поверить в то, что творение было создано для нападения. Ирис вспомнила его красивый, короткий и явно не острый клинок – чтобы ранить кого-то таким нужно было бы приложить немало усилий.

Ирис вздохнула, подобрала ножны, убрала кинжал и положила его там, где взяла. А когда она направилась к выходу, Дурман сказал:

– Постой.

Он оттолкнулся спиной от стены, провис корпусом вперёд между разведённых колен и коснулся костяшками пола. Ирис остановилась боком к Дурману и повернула к нему голову. А он смотрел на неё и будто изучал. На его лице возникла широкая улыбка, которая в слабой освещённости помещения показалась жутковатой, а глаза блеснули.

– Ты – другая, – сказал он. Лицо Ирис разгладилось, а в глазах заметалась растерянность. – Полагаю, в любом стаде найдётся исключение. И, кстати, мне вот интересно что

вам рассказывают о нас? Что мы дикари, носящие тряпье, использующее дерево, кожу и кости как материалы, носимся по лесам и долинам, и что наша магия примитивна и слаба, так же, как и наше общество?

Ирис нахмурилась. А Дурман улыбнулся:

– Но не ты, – сказал он. – Ты не веришь всему, чему они, – кивнул он на дверной проём, – тебя учат.

На лицо Ирис как защита наделась маска непроницательности.

– О-о, – протянул Дурман и усмехнулся. – Ты хорошо умеешь прятаться. Много практики?

Слева Ирис увидела движение – посмотрела на проём и увидела, что Вязель, потирая локоть, мельком заглянул внутрь через плечо и напрягся. Вернув взгляд, Ирис хотела направиться к выходу, но наткнулась на Плюща – пустое лицо, затуманенные глаза. Ирис сдвинула брови и присмотрелась.

– Кстати об умениях, – понизил голос Дурман. Не глядя на него, Ирис направилась к Плющу. – Я видел, как ты с ним. Знаешь кто хорошо лжёт? – Он улыбнулся: – Тот, кто лжёт много.

Ирис взглянула на него ничего не выражающими глазами, опустила рядом с Плющом на корточки и отвела соединённые колени в левую сторону. На них упал свет через разлом, из которого выглядывали тонкие корни с комочками сухой почвы в их объятиях.

– Да брось, – сказал Дурман. – Мне-то ты можешь сказать. Я не родился в ордене, и там, где я жил... Скажем так, я знаю, что значит быть другим. Я смогу понять. – Он перешёл на шёпот: – И я обещаю, что им не скажу.

Ирис пробежалась взглядом по лицу Плюща, заглянула в глаза, которые смотрели на неё, но сквозь. Она хотела коснуться рук Плюща, но тут же одёрнулась и впиалась ногтями в ладони.

– И хочешь совет? – сказал Дурман. – Тот парень тебе поверил, но в следующий раз постарайся вообще не нервничать. А то этим можешь себя выдать.

Ирис хотела бы сказать, что чем больше и важнее ложь, тем лучше и увереннее она лжёт; но не стала. Помедлив, Ирис коснулась левой рукой лба Плюща, прижала его голову затылком к стене и, прикрыв веки, настроилась на его здоровье.

Дурман наблюдал с беспокойством о товарище, но с интересом.

– Он просто впечатлительный, – сказал он. – И не очень силён здоровьем.

Отняв руку, Ирис выдохнула и смотрела на колени в солнечном свете, и на землю под ними. Ирис подняла взгляд и повернула лицо к Дурману.

– Ваша магия не примитивна, – сказала она. И на его лице отразилось удивление. – Почему вы не попытались защищаться при помощи магии, или хотя бы при помощи, – она

взглянула на вещи у окна, – тех... штук?

Дурман молчал – не только Ирис умела надевать маску непроницательности.

Смотря на Плюща, Ирис поднялась.

– Скажи им что с ним что-то не так, – сказала она.

– Но ты знаешь, что с ним не так?

Она помедлила и посмотрела в сторону.

– Это не опасно, – ответила она и вернула взгляд. – Пока что.

– Ты лгала тому идиоту, значит заходя сюда ты рискуешь. Но зачем? Точно не из-за него. – Дурман кивнул на Плюща.

Убрав руки за спину, Ирис заламывала пальцы и сохраняла лицо – и она с Дурманом смотрели друг на друга с несколько секунд.

– Зачем вам оружие? – сказала Ирис. – Ведь у вас есть магия.

Вязель обернулся. И, смотря через плечо, он заглянул внутрь и занервничал.

– Да, есть, – сказал Дурман. И он улыбнулся: – И как ты заметила, вовсе не примитивная. Кстати, как ты это поняла?

– Догадалась.

– Не, не. Не уклоняйся. Ты как-то это поняла.

– Я...

– Ирис! – зашипел за спиной Вязель. Она вздрогнула и обернулась. Он встал в паре шагов от неё, бросил недовольный взгляд на Дурмана и вернул на Ирис: – Что ты делаешь?

– Ничего, – быстро ответила она.

– Ты не должна го... Ты... – И Вязель, будто пересиливая себя, сказал: – Я думаю, тебе лучше уйти.

Ирис направилась к выходу. Вязель смотрел на пленников угрюмым взглядом, а Дурман улыбнулся ему с нескрываемой фальшей дружелюбия.

Ирис вышла из домика, шагнула в сторону и спиной навалилась на стену – дрожа, выдыхала и осознавала, что сделала.

Когда Вязель приблизился к проходу он сказал:

– Ты не должна была с ним го... – Но выйдя из проёма, он не обнаружил Ирис.

III

Поднявшись на сотую ступень, Ирис села на крыльцо, упёрла локти в ноги и ухватилась за голову.

– Что ты творишь? – прошептала она, и проклинала себя за глупость и неосторожность.

Один порыв любопытства – и Ирис могла загубить себе жизнь; или ухудшить.

Приходило осознание того, что Вязель расскажет о случившемся своей первой, а она, или он сам, расскажут Лидеру или Совету, смотря кто найдётся первым. И Ирис поняла, что точно ухудшила свою жизнь – провела руками по мягкому ёжику волос и опустила руки, костяшками и ногтями коснувшись ступени. Всё что Ирис хотелось так это провалиться в черноту сна, чтобы не думать, не чувствовать, не переживать.

– Ирис, – раздался голос наставника в стороне, – вот ты где. У нас урок.

На отведённом в сторону лице Ирис вытянулся немой стон. Шаги остановились – Ирис зажмурилась и втянула воздух через нос. На выдохе, она надела обычное лицо и повернулась к наставнику.

Флокс, глядя на ученицу, прошёлся по лицу, темноте под глазами, и успел уловить что-то странное в глазах; но сказал:

– Идём.

Пока они спускались, Ирис смотрела на затылок наставника и думала рассказать о том, что сделала. Она несколько раз открывала рот, но не смогла выдать ни звука – и, поджав губы, опустила взгляд.

В этот раз Флокс решил обойтись без прогулки. Как только они спустились, он положил руку на плечо Ирис – и они исчезли в бело-золотом.

Флокс и Ирис переместились на несколько километров на юго-восток – и в миг развернулись из света на диком, маленьком поле. Оно было усеяно торчащими камнями, а высокая, выжженная жарким летом трава скрывала часть из них. Отдалённое от поселения место куда даже не было причин идти Охотникам в обычный день, а их ежедневные патрули здесь не проходили. Ирис вроде бы слышала, что нельзя уходить далеко от поселения. Но её не удивило, что наставник что-то нарушает (и она вместе с ним).

Прищурившись, Флокс смотрел по сторонам. И уткнувшись в точку на поле, он сказал:

– Там, кажется.

Ирис вздохнула лицом и направилась за ним; чувствовала, как странная усталость исходила от души – распространилась по телу и обвивала каждую мышцу.

Флокс выискивал подходящий экземпляр, словно Флора в грибной сезон в лесу. Ирис следовала за ним без интереса; постоянно проваливалась в прострацию и постоянно себя одёргивала. В моменты одёргивания мысли мельтешили и

крутились; вспыхивали страх и сожаление о том, что она сделала; в то же время не было никаких сожалений; а на задворках сознания более яркими огоньками пылали те две идеи. И они уже порождали планирование действий – словно сегодняшней опрометчивостью Ирис вручила себе разрешение на дальнейшее безрассудство.

Флокс остановился, развернулся к ученице и указал на округлый край крупного валуна:

– Вот этот подойдёт, – сказал он.

С пустым лицом Ирис прошла к валуну. Она знала, что сейчас повторится то, что повторялось уже множество раз.

Флокс встал с боку, сложил руки за спиной и, словно хищная птица, вцепился в ученицу взглядом.

– Сосредоточься, – сказал он.

«Да, да.», – отозвалась Ирис в мыслях.

Вперив взгляд в валун, Ирис с умелой старательностью выжимала притворное сосредоточение. На одной параллели она подавляла и с усилием одевала в игнорирование те две идеи и связанные с ними планы. На второй параллели она думала о творении, упущенном откровении и сегодняшнем просачивании. И на фоне мелькало отдалённое эхо той вспышки тяги, которую Ирис больше не могла подавлять и игнорировать, но и не могла удовлетворить даже догадкой.

– Помни: никаких рук, – сказал Флокс.

«Да, да.», – снова отозвалась Ирис.

Порядок движений Ирис знала до тошноты – и тело са-

мо приступило к выполнению заученных действий и при- творств. В ладонях вспыхнула белая магия и поползла по ве- нам. Энергия достигла локтей – и, разорвав землю, траву и тонкую корневую систему, валун поднялся в воздух.

Валун застыл в метре над землёй – на Ирис упала боль- шая тень, а магия в руках погасла. Ирис прижала ладони к бёдрам, смотрела на валун и изображала усилие; и думала об оружии изгоев. Она поняла, что больше не может не думать о навязчивой идее посетить кузницу и попытаться узнать у Ремесленников больше о магсере, и с чем её смешивали; и не может не думать о идее, которая пришла следом – поискать информацию в хранилище. А мысль чтобы заглянуть в за- претные для Ирис секции – пронзила страхом. Не говоря уже о том, что подобное любопытство со стороны Жрицы при- влечёт внимание. На страх Ирис отвечала доводами, что ей необходимо узнать больше. Они встречались с вопросами – зачем. И когда в голове Ирис развернулся горячий спор и метания мыслей, в этот момент Флокс отдал обычную, тош- нотворную команду:

– Давай.

Его голос пробежал струйкой над внутренней полемикой Ирис. И вместо того, чтобы, держа магию внутри, свести бро- ви вместе и дать фальшивую команду мысли – и делая это раз за разом с короткими перерывами – голова Ирис чуть поддалась вперёд, а веки приоткрылись. Прозрачный взмах магии разрезал валун на две части – он распался, показывая

ровный срез, а на Ирис упал свет солнца.

Безмолвно ахнув, Ирис отпустила магию – части валуна рухнули на землю во взрытую и разорванную почву как в гнездо; и с сожалением и внутренним укором она осознала, что сделала.

– Получилось, – прошептал Флокс. Ирис, чувствуя обволакивающее тело и душу бессилие, осунулась в плечах и лице. – Получилось!

Флокс подскочил к Ирис в три широких шага, схватил её кисти и смотрел восторженно-ликующим взглядом на отсутствие магии в ладонях. Ирис смотрела на наставника с безразличием; внутри была тянущая пустота и понимание, что она устала от всего. От притворства, от лжи, от неподтверждённой надежды. От запутанности, от непонимания, от бездействия. От своих желаний, от своей жизни, от себя.

– Отлично! – сказал Флокс и выпустил руки Ирис. Развернувшись, он стал искать следующий экземпляр.

Флокс нагибался, заглядывая под траву, или поднимался на носочки и пытался увидеть что-нибудь скрытое в ней. Параллельно он думал о том, чтобы придумать новый, более сложный и интересный урок.

Ирис опустила взгляд на оставленные в воздухе кисти, и зрачки переместились на левую. Ложь, страх, рамки, лишение индивидуальности и свободы – это было облачено в фасад необходимых правил и устоявшегося быта, и украшено историей о великом спасении, которое клановцы ожидают

веками.

– Но они не придут, – прошептала Ирис.

То, что она всегда ощущала нутром, но боялась даже подумать – это то, что сегодня ускользнуло из сна-не-сна. Первородные никогда не придут к ним, они не спасут ни земли, ни Мирдрево. Ни Ирис. Но она не знала почему первородные не придут – это или было творением не сказано, или ещё не понято Ирис, или невозможно было понять, или это, как и многое, ускользнуло из памяти.

Ирис опустила руки, подняла взгляд – посмотрела на мчащегося из стороны в стороны Флокса и поморщилась. Она прикрыла веки, отвернулась и прощупала внутренний кулачок в груди. Он был сжат давно, и она к этому так привыкла что не замечала его. Беглая мысль – разжать его – пронзила Ирис страхом. И она отмела эту мысль в сторону с силой урагана.

Вздыхнув, Ирис накрыла лицо руками и растирала его – пыталась собраться, убрать пустоту внутри, обволакивающее бессилие и тянущее к земле отчаяние; пыталась игнорировать то, что сказало творение, как и то почему и как оно это сказало, и что оно вообще такое.

– Ирис, – позвал Флокс. Она отняла руки от лица, но не развернулась. Подавляя раздражение, вызванное его голосом, его уроком, Ирис с шумом втянула воздух через нос и пыталась найти для себя опору в жизни. – Я нашёл ещё один, иди сюда.

Но Ирис его уже не слышала. В голове возникло творение – и мысли о нём, снова и снова, заполняли собой всё. Неисполнимая, непонятная тяга. Блеклый страх. Вопросы без ответов. А всё остальное стекленело, становясь неважным, но столь тяжёлым.

– Ирис, – теряя терпение, ближе раздался голос Флокса. Она не отозвалась. – Ирис! – выкрикнул он. На лице Ирис вспыхнуло раздражение, и злоба заполнила пустоту. – Отвечай, когда я к тебе обращаюсь. – Она обернулась и не скрывала недовольство на лице. – Иди и проделай это снова.

– Зачем? – сказала Ирис. И наставник изумился. – Зачем ты хочешь, чтобы я научилась управлять магией без рук, через тело, а потом только от ума?

– Почему ты спрашиваешь?

В груди Ирис встал шарик ярости. Стиснув зубы, она смотрела на Флокса и ожидала ответа. Но по его лицу Ирис поняла, что он не скажет. И когда он открыл рот, она его перебила:

– Ты мне ничего не говоришь. Никогда не объясняешь, только говоришь, что делать. Но я должна скрывать и лгать о наших отклонениях от программы? Твои уклонения от правил? Мои уклонения от правил? Почему? Для чего?

На удивлённом лице Флокса возникли: возмущение и раздражение.

– Делай что тебе говорят, – сказал он. – И я...

Маленький шарик ярости в груди лопнул и пламенем раз-

лился по телу – Ирис вышла из себя в первый раз в жизни.

– О, ты хочешь, чтобы я в твоём глупом уроке корчилась и силой мысли разрубала валуны да камни? Вот твой великий урок?! Серьёзно?!

– Эй! Сбавь тон...

– Ты не мог придумать ничего получше чтобы практиковать магию без рук? Разве ты не видишь, как этот урок глуп?

– Ирис!

– Хорошо! – выкрикнула Ирис и, ладонями к небу, раскрыла руки в стороны. – Ты так хочешь своих любимых камней? На!

Ирис приподняла руки и последующее восклицание Флокса провалилось в горло. Из земли по всему полю камни различных размеров, разрывая траву и почву, поднимались. Флокс перевёл взгляд от них на покрасневшую от злости Ирис и уставился на её руки, пустые на любую магию.

– Нет света..., – не веря, сказал он.

– Ах, да! – сказала Ирис; чувствуя, как внутри надломилась душа. Ирис хотелось рыдать и кричать от непонимания, запутанности и от отсутствия ответов; и от сегодняшнего безрассудства; и от незнания к чему наставник её готовил, и от ощущения что её надежда на него разрушалась, и она не понимала почему. – Тебе же нравится магия без рук. – Ирис опустила руки, хлопнув ладонями по бёдрам. Но поднятые камни остались парить в воздухе; с них осыпалась почва, опадали травинки и мелкие земляные жилыцы. – Ма-

гия, которую никто не использует в кланах. Которая почти забыта. Но не тобой!

Ирис наклонила голову и смотрела на Флокса в упор исподлобья – камни вокруг них, скрежета, крошились и оставались в воздухе как каменные облачка. Флокс, издавая нечленораздельные звуки, наблюдал и мотал головой из стороны в сторону, и постоянно поглядывал на ученицу. Для неё это действие было не сложнее чиха.

Все камни и валун искрошились. Флокс с изумлением уставился на свою ученицу, проверил её руки – и в глазах возник восторг. Увидев это, Ирис вспыхнула изнутри пламенем. Издав рык, она взмахнула руками – и облачка каменной крошки взмыли. От Ирис в стороны отошла случайно-вызванная волна энергии – она наклонила траву в диком поле, пошатнула дубы на его окраинах, и оттолкнула Флокса. Он упал, проехавшись спиной, и застонал; птицы взлетели и чирикали наперебой; звери убежали прочь; несколько сломанных веток с шуршанием и стуком падали; а каменная крошка осыпалась как дождь.

Ирис потерял контроль магии второй раз в жизни.

Ярость опала. Стоя с ошарашенным лицом и с крошками камня на голове, Ирис смотрела на наставника, который поднимался с глухим кашлем.

– Нет..., – сказала она. – Я не... Я не хо...

Ирис подняла дрожащие руки, а внутри поднимался страх. Кулачок немного разжался – в ладонях возникли: яр-

кий свет и непривычное тепло; и словно через дверную скважину Ирис заглянула в кулачок и увидела яркие, глубокие воды. В глазах поплыло, в теле вспыхнул жар, и, с трудом дыша, Ирис отступила.

– Ирис, – позвал вставший наставник, но хриплый голос уплыл в сторону.

– Не трогай меня!

Очертания смазанного наставника сделали шаг. Ирис отступила, вспыхнула бело-золотой магией как пламенем и исчезла.

*

Бело-золотая вспышка – и в миг из неё развернулась Ирис. Она оказалась на её полянке, залитой солнцем – рухнула на колени и рукой ухватилась за поваленный, слегка влажный ствол. Дрожа, ощущая жар и головокружение, Ирис хватала ртом воздух и с силой проталкивала в лёгкие. Жар в кистях ощущался отчётливее; мощь магии возрастала в груди, а вместе с ней возрастал и страх. В плывущем взгляде Ирис видела, что вены налились ярким, золотым светом, а в ладонях и в солнечном сплетении – белым.

В обзор с качающейся землёй и густой травой вошёл коричнево-оранжевый цвет. Взрывая землю и разрывая травинки, мимо Ирис прошли четырёхпалые ноги огромной птицы с чёрными загнутыми когтями; а сверху был оранжевый цвет. Ноги встали с боку, а Ирис продолжала терять контроль и задыхаться.

– Дыши, – сказал приятный, мужской голос.

Закрыв рот, Ирис со старательным усилием втянула воздух через нос так много сколько смогла – и выдох через открытый рот. Она сомкнула губы, и снова вдох через нос. Но на выдохе дыхание споткнулось, рука соскользнула со ствола, вогнав себе под ногти чешуйки коры, – и Ирис опустилась на четвереньки.

Тепло, приятное как летнее солнце, коснулось лопатки Ирис, и снова раздался голос:

– Дыши.

Его присутствие и голос успокаивали Ирис. Она втягивала воздух через нос и выдыхала через рот. С каждым вдохом лёгкие получали больше кислорода – жар и дрожание начали спадать, земля переставала качаться, а магия угасала. И внутри кулачок сжался обратно.

Успокоившись, Ирис на выдохе села на землю, опёрлась спиной на ствол, обтёрла испарину со лба и подняла взгляд. Перед её вытянутой ногой, а второй подогнутой, стояло двухметровое существо: смесь человека и орла. Человекоподобное стройное тело покрывали оранжевые перья. Они мерно переливались и отдалённо напоминали пламя. Опущенные руки с перьевым подобием пальцев переходили в огромные крылья, хвост сзади будто подол туники и перьями касался травы, а наверху тело перетекало в орлиные шею и крупную голову. Коричнево-оранжевый, как и орлиные ноги, клюв. Янтарные зрачки; а над глазами были брови из тонких

и более тёмных длинных перьев.

Опустив голову, дух смотрел на Ирис по-орлиному – что всегда отчасти выглядело грозным и величественным. Но в его глазах бегало беспокойство.

Ирис улыбнулась с теплотой:

– Спасибо, Огонёк, – сказала она.

Дух сел напротив неё, скрестил ноги и, шевеля клювом подобно человеческому рту, он сказал:

– Что случилось?

Произошедшее обрушилось на Ирис лавиной – лицо исказилось страхом и отчаянием. Схватившись за голову и оседая, она сказала:

– О, нет! Что я натворила? – Она сползла на землю, затылок упёрся в ствол, а стопы в скрещённые ноги Огонька. – Я..., а он... Столько камней! И ветки сломала... Что, если Флоры заметят? Или Охотники! Он упал...! И как теперь...? И что теперь...?

Руки в безвольности упали на траву; Ирис увидела ожидающего Огонька, вздохнула и ответила:

– Я вышла из себя..., и я потеряла контроль магии.

Ирис прикрыла веки и мысленно вернулась в момент. Она потеряла себя, поэтому потеряла контроль, словно не было больше последствий – потеряла контроль магии, и контроль над кулачком.

– Объясни по порядку, – сказал Огонёк.

Пролежав ещё с несколько секунд, Ирис села. Она дума-

ла с чего начать и смотрела на кусочки почвы и травинки, которые прилипли к когтям Огонька. А подняв взгляд, Ирис рассказала своему единственному (и запретному) другу о ужасном событии. Но она не рассказала о том, что послужило толчком – не рассказала о снах-не-снах и о творении. И Огонёк решил, что Ирис вышла из себя из-за ужасной ночи, усталости и плохого сна.

*

Не увидев ученицу ни в малом, ни в главном зале, Флокс, будто прокрадываясь тайком, поднялся в жилой корпус учеников. Хотя для старших Жрецов это было не запрещено. Флокс заглянул в пустую комнатку Ирис и с досадой цыкнул.

Флокс переместился на край поселения, а перед ним расстилалась долина. Он направился к холмам, где рос одинокий дуб. Но в его тени не оказалось ученицы. И Флокс, сев возле ствола, пытался успокоиться и собраться.

Впереди, у реки находилось множество фигур Охотников разного возраста. Часть из них летала над рекой; часть, разувшись и закатав штанины, стояла в воде – и вместе они вынимали сети, снимая навсегда. А остальные Охотники очищали рыбу, вешали её для сушки, делали заготовки для хранения или скорого использования.

Наблюдая за ними, Флокс пытался предположить, где ещё могла бы быть его ученица. И тогда он перевёл взгляд правее – напротив него, по ту сторону реки виднелась низкорослая

роща деревьев со свисающими ветками.

Держиз – дерево жизни – давало клану, и в особенности Жрецам и Флорам, самую важную пищу: пложиз – плод жизни.

Рощу окружало прозрачное поле, которое волнами ходило по кругу будто вода. Флокс переместился к роще и, пройдя через прозрачное поле, ощутил перемену температуры, словно оказался в жарком дне лета после дождя.

Низкие деревья внешне напоминали карликовые ивы с вытянутыми зелёными листьями. Держизы росли на земельных холмиках мягкой, местами зыбкой почвы, из которой в некоторых местах проглядывали тонкие корни, и которая почти всегда должна была быть увлажнённой. На тонких, эластичных ветках свисали крупные плоды, по одному, иногда по два на ветку, но не на каждой из них. Продолговатый, с низу сужающийся плод был размером с два кулака, на плодоножке находились мясистые листья, а сам плод был гладким, кожистым и упругим. Он был зелёным и сливался с листвой, когда был не спелым; и чем он был спелее, тем розовее, а спелые имели ярко-розовый цвет.

Вены кистей и запястий были подсвечены голубым – и, управляя руками, Флоры брали воду из металлических ёмкостей и струями поливали почву.

– Нужно хорошо увлажнить почву перед переноской на новое место клана, – сказала старшая Флора юной ученице. Которая со старательным лицом управляла водой, а струя,

будто сопротивляясь, трепыхалась.

Некоторые Флоры осматривали держизы – их стволы, ветки и листья, корни и почву. Другие Флоры собирали опавшие на землю яркие пложизы в плетёные корзинки, а некоторые собирали опавшие листья. В стороне находилась открытая, поросшая травой площадка. На ней снятые с плодов листья разделяли и выкладывали на плетёные сита для просушки.

Флокс знал, что иногда Ирис зачем-то заглядывала в рощу. А всегда занятые делом и пребывая в гармонии с природой, Флоры не были против и едва ли замечали тихую, юную Жрицу. Хотя обычно Ирис всегда и везде замечали.

Серо-голубые глаза искали фигуру среднего роста и пестрого цвета. Но, не увидев Ирис, Флокс вздохнул. А увидев первую Флору Розу, он замер. Смуглая женщина с округлыми формами и вьющимися тёмно-коричневыми волосами. Она, оперев руку в бок, стояла нахмурившись и слушала Хранителя и двух Ремесленников, а в бровях и карих глазах покалывало сдерживаемое возмущение. Флокс попятился и поспешил уйти, пока его не заметили – вопросы, это последнее что ему было нужно.

IV

Ирис сидела в корнях дуба, в тени веток. Огонёк сидел на поваленном стволе и, опустив перьевые брови, смотрел на Ирис хмурым взглядом.

– Что? – сказала Ирис. – Я не хочу возвращаться.

От мысли о встрече с наставником у неё скручивало живот. Ничего не сказав, Огонёк выдохнул через отверстия в клюве, отвёл взгляд и, смотря в лес, задумался.

В Ирис копошилось чувство вины из-за того, что не сказала Огоньку о творении – она хотела, но не могла себя заставить, словно натыкалась на защитный барьер. И Ирис решила, что ей просто нужно время.

– Тебе нужно вернуться, – сказал Огонёк, и Ирис застонала. – Сегодня у тебя нет погружения, так?

– Отменили.

– Значит... вечером придёшь?

– Да. Надеюсь. Если Флокс мне и назначит наказание, то это будет бдение. Значит до темноты успею сюда заглянуть. – Она вздохнула. – Я в любом случае ускользну в лес. Иначе я не выдержу...

– Хорошо, – сказал Огонёк. – А сейчас иди к наставнику. – И Ирис снова застонала. – Чем дольше ты ждёшь, тем хуже будет.

Ирис вздохнула и, шёпотом передразнивая его слова, под-

нялась.

*

Ирис шла по тропе-дороге вдоль домов, а впереди высился храм. Чем Ирис была ближе, тем сильнее возрастало волнение.

Дойдя до крайнего дома, Ирис впереди увидела Флокса – и её внутренности точно стиснули; но она продолжала идти. А увидев его переменившееся лицо, смотрящее в сторону, Ирис остановилась. В обзор вошёл Лидер – Ирис ахнула и примкнула к стене справа, присела и затаилась за кустом.

Чёрные волосы блестели на солнце и вместе с подолом полупрозрачной белой накидки развевались от слабого порыва ветра.

Флокс нагнулся в приветствии и сказал:

– Люпин, добрый день.

Выпрямившись, Флокс увидел недовольство на лице Люпина.

– Нет, – сказал он, – не добрый. Где твоя ученица?

Сохраняя лицо, Флокс отвёл руки назад и правой с силой сжал запястье левой.

– Ирис? – сказал он.

– У тебя есть другие ученики? Где она?

– Она... где-то... Где-то.

Чёрная бровь поднялась в высокую дугу:

– Ты не знаешь, где твоя ученица? – сказал Люпин.

– Знаю, – ответил Флокс. – Примерно. – Люпин нахмурил-

ся, а светло-серые глаза налились сталью. – После сегодняшней ночи, многим нужно успокоить ум. – Люпин смягчился, сложил руки на уровне паха и кивнул. – А что случилось?

И смягчение Люпина начало развеиваться.

– Что случилось? – сказал он. – А то, что она обманула Охотника и разговаривала с пленниками!

– Что...? – сказал Флокс, а его лицо разгладилось.

Люпин пробежался по его лицу и вздохнул:

– Ты не знал.

– О чём они говорили?

– Какая сейчас разница? Она пришла туда без ведома, солгала, говорила с пленными. А они же изгои! Это не приемлемо, возмутительно – это нарушение правил! И к тому же она Жрица! И к тому же она... – Люпин шагнул к Флоксу и наседа на него: – Ты знаешь, что положено за эти нарушения?

– Да.

Люпин отступил и, вздохнув, потирал переносицу кончиками пальцев:

– Я поговорю с Советом, – сказал он. – Но...

– Это не повторится.

Люпин отнял руку от носа и вернул взгляд на Флокса.

– Если бы это был кто-то другой, даже другая Жрица, ты знаешь, что бы было. – Флокс кивнул. – Найди её и поговори, а потом вы вдвоём идите ко мне. Я улажу этот вопрос с Советом, но... – Люпин замолчал и покачал головой.

Флокс кивнул:

– Это неприемлемо.

– Именно.

Увидев, что Люпин кивнул в её сторону, Ирис похолодела и на корточках бросилась в другую. Ирис повернула за угол, но не достигнув следующего, наткнулась на удлиняющиеся тени идущих и их тихие голоса; посмотрела откуда пришла – там приближались Люпин и Флокс. Ирис примкнула спиной к стене и дышала как перепуганный крольчонок; подняла голову и увидела открытое окно. Рука ухватилась за металлическую раму – Ирис оттолкнулась и перелезла-упала внутрь.

Пройдясь локтем по каменной стене, Ирис упала спиной на плиточный пол и оказалась в тесной кладовой со стеллажами. На нижних полках и на полу находились припасы в закрытых металлических ёмкостях, плетёных корзинках и тканевых мешках. Банки с крупами, сухофруктами и орехами стояли на верхних полках. На одной из них выделялась высокая, стеклянная банка. В ней были овальные, крупные и твёрдые косточки пложизов, которые имели зелёно-бежевый цвет. А между стеллажами на нитях висели пучки трав, и одна связка с сухими листьями пложизов.

Ирис услышала голоса и, коснувшись стопами пола, замерла – глаза смотрели на окно, шея дрожала от напряжения, а ранка на локте была подсвечена золотым и исцелялась сама.

– Да, конечно, – сказал Люпин. – И кстати, я слышал она

была рядом с тем странным существом.

– Да, – сказал Флокс. – Я её ещё об этом не спрашивал. Вероятно, оно какой-то иной вид отвергнутого.

– Ох, Бездна из заberi! Отлично... это то, что нам нужно – другой отвергнутый. Будто обычных нам было недостаточно. Может спросить Хранителей? Они могут поискать об этом в хранилище. Хотя у нас сейчас нет на это времени.

– Мы скоро снимемся с места, и они снова станут для нас как страшный сон. Как идёт подготовка?

– Неплохо, все заняты. Завтра уже начнём сборы, а Совет сегодня собирается собрать портал для перехода.

– Уже? – удивился Флокс.

– Хотят быть уверенными, что всё работает. Нам ведь ещё переносить храм и хранилище. И роцу. И... – Люпин вздохнул. – Ремесленники беспокоятся о кузнице и материалах. Флоры беспокоятся о держизах и пропитании, не говоря уже об остальном. Хранители и Совет уже в десятый раз проверяют прокубы. Ладно хоть Жрецы и Охотники спокойны. Боле менее.

Голоса затихали и остальной разговор стал недоступен ушам Ирис. Выдохнув, она опустила голову, перевернулась на бок и смотрела через открытый дверной проём. Там, в комнате: круглый плетёный половик, металлическая кровать с толстым матрасом и бежевым постельным бельём, рядом виднелся высокий металлический шкаф; с другой стороны – угол стола из этого же металла, а на нём скатерть с раститель-

ным узором и ваза из цветного стекла с засохшим букетом.

Ирис перевернулась на живот и, поднимаясь на колени, коснулась пола лбом – замерла в этой позе, а подбородок дрогнул.

– Нет, – прошептала она и, проводя ногтями по плитке, сжала кулаки. – Нет.

Ирис выпрямилась, ягодицами села на пятки и, с трудом сдерживая слёзы, устремила взгляд на мешки с крупами внизу стеллажа перед ней. Она сделала вдох, и на выдохе прошептала:

– Всё будет хорошо.

Лицо исказилось, а в горло врезался ком. Ирис было открыл рот, как скрипнула входная дверь – и в проёме мелькнул дневной свет. Испугавшись, Ирис прижалась к стене – рука уже взялась за металлическую раму окошка, как по ту сторону послышались голоса прохожих. Шаги приближались к проёму кладовой – Ирис отпустила руку и телепортировалась.

*

Недалеко от своей полянки Ирис, нуждаясь в объёме природы вокруг, не выходила на неё, а ходила туда-обратно по созданной, примятой тропе. Ирис шла к её краю и, пытаясь сбросить волнение и переживание, трясла руками.

– Всё будет хорошо. – Встав на конце протоптанной линии, Ирис прикрыла веки и издала стон. – Нет, – она встряхнула головой и открыла веки, – всё будет хорошо.

Ирис развернулась и, заламывая пальцы рук до боли, прошла обратно по тропе – и встала в её конце.

– Он поймёт. Ведь так? Он сам что-то скрывает, лжёт, и я это скрываю, покрывая его, скрываю наши уроки, и остальное... Он поймёт. Да, поймёт.

Развернувшись, Ирис, сжимая и разжимая пальцы, прошла до другого конца тропы и встала.

– А насчёт урока? Если отмести то, что я на него накричала и, – Ирис поморщилась, – оттолкнула, то в целом... он даже будет рад такому проявлению моей магии. Ведь чего-то такого он и хотел. Верно? А на остальное он закроет глаза.

Ирис села на корточки, держала колени вместе и, упираясь в ноги локтями, накрыла руками лицо.

– Да, чего-то такого и хотел... Но зачем?

Отняв руки, Ирис наклонилась телом вперёд – переместилась на носочки и уткнулась коленями в землю. Уперевшись вытянутыми руками в ноги, Ирис смотрела на непримятую зелень.

– Что он хочет? Что он хочет от меня? Может теперь он мне скажет, что он задумал, и свои отличные ото стальных мысли, и... всё остальное.

На лице появилась кислая печаль и беспокойство – Ирис свесила голову и смотрела на линию соприкосновения бёдер. Ирис хотела сказать вслух то, что всегда сидело в ней страхом; то, что она не пускала в мысли и не облачала в слова. Ей была необходима эта надежда.

Но Ирис всё же сказала:

– Что, если то, что он тоже другой, не значит, что мы хотим одного и того же? – Втянув воздух, она подняла лицо к небу. Через крону пробились кусочки солнца и заиграли на коже. – Или он, как всегда, ничего мне не скажет, а только будет отдавать приказы.

Ирис опустила голову и, подставив руку, плюхнулась на бок. На лице провисли: печаль и отчаяние. Ирис покачала головой и, будто говоря лесу секрет, прошептала:

– Я не могу так больше.

Ирис не могла заставить себя подняться, вернуться и получить выговоры и наказания. Она знала, что избежит Суда; знала, что соврёт что-нибудь Флоксу – например, что ей просто стало любопытно; знала, что Флокс поможет ей придумать убедительную ложь для Лидера и Совета. Но мысль, что придётся встретиться с главами клана порождала желание найти какую-нибудь нору, забиться в неё и остаться в ней скелетом. Не говоря уже о том, что теперь они будут наблюдать за Ирис с особой тщательностью.

Внутри себя Ирис знала, что она не наберётся смелости чтобы начать с Флоксом разговор и потребовать ответов на вопросы – реальное, словесное подтверждение своим надеждам, которые существовали с момента как он стал её наставником. Или даже до этого? Тогда Ирис увидела, почувствовала, что Флокс, как и она, отличается от остальных – и решила ему довериться безоговорочно, но сама не понимала

почему. А позже, когда Ирис стала старше, она посчитала, что, если кто-то и сможет привнести изменения в клан и в их народ, так это будет он.

Тогда Ирис показалось, что Флокс увидел, что она, как и он, иная. Ведь он доверился ей с увеливанием от правил, иными мыслями – и постепенно доверял всё больше и больше. Но Флокс никогда не говорил всего, никогда не говорил о важном – говорил, что позже, позже, словно Ирис не готова. И она ждала, и молчала, и надеялась, и делала всё что скажет наставник; но лгала – ему и всем.

В стороне возникла странная вспышка тёмного цвета – Ирис вздрогнула, повернулась лицом к полянке и ужаснулась. Ирис подумала, что это кто-то из клана, или возможно Флокс нашёл её.

Послышались голоса. Ирис поднялась, посмотрела на ветки дуба и подумала телепортироваться, но тут же одумалась – решила, что заметят. Ирис сжала кулаки и, используя магию силы, которая никак физически не проявлялась, подняла себя мыслью. Будто подражая Хранителям и Совету с их левитацией, Ирис взмыла – встала на ветку и выдохнула. Поддавшись вперёд, Ирис выглянула через просветы листвы.

Двое крепких мужчин в тёмной одежде и кожаных ботинках. На спине одного был арбалет и колчан с болтами; у второго – меч и круглый щит. И у каждого имелся серебряный кинжал на левом боку. Ирис увидела удлинённые тёмно-коричневые жилеты, те же самые, – и, едва не оступившись,

ахнула. Но затем внимание переместилось за спины новых нарушителей – там находился овальный портал тёмного, серо-синего цвета, а его края рябили энергетическими волнами.

Мужчины осматривали полянку. Её полянку.

– И где она? – прошипел мужчина со шрамом на лице. И Ирис, забыв, как дышать, остолбенела.

– Должна быть где-то здесь, – прошипел в ответ мужчина с пышной рыжей бородой.

– Ох, я не могу поверить, что из-за какой-то девчонки мы удерживаем наш план, только чтобы дождаться «удобного случая, когда она станется одна».

– Заткнись и занимай позицию, – сказал рыжая борода.

– Может мы рано?

– Рано или нет, занимай.

– И сколько нам тут сидеть?

– Сколько понадобится.

– Эй. А он где?

– Твою мать, занимай позицию!

С kloкочущим сердцем Ирис выкарабкалась из оцепенения и отодрала онемевшую руку от ветки, которую сжимала до побеления костяшек. Разворачиваясь, Ирис намеревалась телепортироваться не то в поселение, не то куда-то в лес. Магия уже возникла в ладонях – как перед Ирис возник мужчина с густой, золотистой бородой и такой же шевелюрой длиной до плеч. Не успев ахнуть – но успев увидеть

усмешку и магические, птичьи крылья на спине – Ирис увидела приближение лица. Вспышка боли и треск в голове, а затем – темнота.

Глава IV – Оковы

I

Женский голос доносился будто из-под толщи, а слова как обрывки звуков. Первое что почувствовала Ирис это холод камня под собой; а затем на лбу ощутила щекотливое тепло, которое забирало пульсацию и боль.

Звуки сложились в слова и отдавались глухим эхом от камня:

– И помните, разделите на группы и берите в плен, а убивайте только в крайнем случае. Отлично. А теперь идите – мы начинаем.

– Эй, – позвал мужской голос рядом с Ирис, – она приходит в себя.

Послышались шаги – носки обуви упёрлись в бедро Ирис, лицо обдало волной и чьё-то колено коснулось таза.

– У-у, – протянул тот же женский голос. – Магия исцеляет её сама. Мне бы такую полезность. Дава-ай, – женщина хлопала по щеке Ирис, – просыпайся.

Ирис поморщилась и открыла глаза. Над ней нависал каменный свод небольшой пещеры, а слева во всю её ширину – через неровный полукруг прохода – падал дневной свет. Ирис приподняла голову и увидела крепкую, светлокожую

женщину среднего роста с округлыми формами.

Она была одета в кожаные ботинки, обтягивающие штаны с широким ремнём, алая рубаха была заправлена, а поверх был надет уже знакомый удлинённый жилет, который подолами касался каменно-земельного пола; на спине был арбалет, колчан с болтами на правом боку, а на втором – кинжал из серебра. Вьющиеся тёмно-каштановые волосы ниспадали на плечи и в свете солнца со стороны входа отдавали красным. А на лице, испещрённое веснушками, виднелись морщинки у глаз.

Голова женщины наклонилась набок, уголок губ приподнялся и зелёные глаза блеснули интересом:

– Добрый день, – сказала она.

Она посмотрела наружу – Ирис посмотрела тоже. Поле с высохшей травой, залитое вечерним солнцем, было расширено вручную, а срубленные деревья небрежными валежниками лежали на его краях. К центру стекались Клинки. Поверх обычной одежды на них были надеты отдельные элементы кожаной брони: наручи, налокотники, наколенники, а у некоторых под удлинёнными жилетами были нагрудники или их элементы. Все Клинки были вооружены: луками, арбалетами, парными кинжалами, мечами с различными щитами, и длинными мечами без щитов.

– Или... добрый вечер? – Приходя в себя, Ирис вернула взгляд. На лице женщины возникла очаровательная улыбка: – Добрый ранний вечер. Я – Фиалка, лидер нашего орде-

на «Клинки Рассвета». Или как нас часто называют – Клинки. И ты, Ирис, теперь наша пленница.

Вспыхнув возмущением и страхом, Ирис вынырнула из-под нависшего колена, вскочила и, пошатнувшись, ударилась лопатками о неровную стену. Встав в небрежную, защитную стойку, Ирис подняла руки. Она увидела погасший костёр в стороне, несколько ящиков и посуду; увидела других Клинков в пещере – по бокам и у стены напротив. Среди них было двое мужчин, которые искали Ирис, и тот, кто нанёс удар. На его лбу виднелись очертания свежего синяка – и, поймав взгляд Ирис, он поприветствовал усмешкой. Ирис бросила в него злобный огонёк и вернула взгляд на Фиалку. Та выпрямилась и оказалась немногим выше Ирис.

– Не волнуйся, – сказала Фиалка. – Мы тебя не обидим. Почти. – И она улыбнулась.

– Г-где я? – пытаюсь сохранить самообладание, сказала Ирис. – Что вам нужно? Вы... вы хотите спасти своих людей?

– Кого? А! Да, но просто мы не считаем, что они в плену. Это была часть плана, если ты ещё не поняла. Ох, и ты, – Фиалка сделала шаг к Ирис, а та отступила и наткнулась на стену, – я знаю, что ты особенная.

– Ничего подобного!

Фиалка усмехнулась.

– Я знаю, – сказала она, – что никто так про тебя не говорит, у вас не принято. Но ты являешься для них маленькой надеждой. Ну, может для некоторых из них. Я не знаю дета-

лей. Да и мне всё равно. Но того, что я знаю уже достаточно, чтобы осадить большинство. Так что ты, моя дорогая, – Фиалка шагнула, положила руку на плечо Ирис, и та скривилась, – побудешь нашей заложницей, чтобы всё прошло без проволочек и как можно быстрее. А пото-ом... ну, ты увидишь. Так что ты с нами надолго. Или нет, – и глаза блеснули игривой загадочностью.

– У в... у вас ничего не получится!

– О, моя дорогая, – убирая с Ирис руку и отступая на шаг, сказала Фиалка, – но ты ведь даже не знаешь, что мы задумали.

– М-мне всё равно! – сказала Ирис. – Не... ничего не получится!

Глаза Фиалки сверкнули озорством.

– А хочешь узнать, что мы задумали? – сказала она. – Пожалуй, нашей избранной я могу сказать. Знаешь, как вы говорите, что придут первородные и бла-бла-бла, а потом вы, – она сложила руки, прижимая их к груди, и смотрела наверх в притворной драме, – такие благородные и великодушные сжалитесь над нами несчастными, наставите на путь истинный и вернёте на родину и-и..., – она опустила руки и лицо, – бла-бла-бла. Даже если отместить в сторону то, что этого никогда бы не случилось, то это чудесный план. Почти.

Лицо Фиалки потеряло притворство и стало суровым – она чуть опустила голову и смотрела на Ирис в упор.

– Так вот, – сказала Фиалка. – У нас есть свой план. Где

мы возвращаемся на родину и восстанавливаем дом так как мы хотим. И-и, – поднимая голову обратно, протянула она. – Может быть, может быть, мы сжались над вами. – Она вскинула плечами и, смотря наружу, добавила: – Там будет видно.

Ирис слушала Фиалку с отталкивающей снисходительностью; поражалась их намерениям и амбициям; подавляла волнение и страх, и несмотря на численное превосходство, думала о побеге.

Фиалка вернула взгляд, увидела лицо Ирис и усмехнулась. – Не веришь? – сказала она. – Мне даже обидно что ты нас так недооцениваешь. Мы полны сюрпризов, знаешь ли. Сама увидишь, ведь у тебя место в первом ряду. И я для тебя приготовила отличную роль!

Фиалка снова посмотрела на поле, где в центре кругом вставали Клинки. Посмотрев в ту сторону, Ирис увидела, что шестеро из них по разные стороны формирующегося круга направили руки в землю. А со стороны пещеры, но откуда-то позади неё, прилетали небольшие группы Клинков. Они так же, как и остальные, были в элементах кожаной брони, в удлинённых жилетах и с оружием.

Все Клинки использовали магические крылья в форме птиц (не только хищных, а всех), и их различные смеси – они были полупрозрачные, но более густые и плотные чем у клановцев, с более отчётливым очертанием перьев; и они отливали всеми возможными цветами, а у некоторых – двумя.

Отойдя к двум мужчинам, Фиалка что-то им зашептала.

Ирис пыталась сосредоточиться на каком-нибудь месте. Но ситуация и не знание того, где она и как далеко от поселения находилась – сбивали.

– Чтобы вы не задумали, – сказала Ирис, а Фиалка с недовольным лицом оборачивалась, – у вас ничего не выйдет.

Ирис распахнула ладони и в кончиках пальцев возникла бело-золотая магия – началось перемещение. Действуя быстро как кошка, Фиалка в выбросе рук чуть присела и создала над Ирис прозрачный купол. Вспыхнув бело-золотым, Ирис исчезла – но через долю секунды вспыхнула в стороне, ударилась об стенку купола и упала на каменно-земельный пол. Встряхнув головой, Ирис попыталась переместиться снова – но тот же результат.

Ирис поднялась и смерила Фиалку гневным взглядом. Та, удерживая купол, выпрямилась и усмехнулась. Закипая страхом и гневом, Ирис перевела взгляд наружу, в центр поля – и что-то внутри сказала, что она сможет пройти через защиту.

Ирис вспыхнула бело-золотым. А Фиалка закатила глаза:
– Хватит пыта... – Но она осеклась, так как увидела, что что-то изменилось.

Бело-золотой силуэт остался на месте и искрился – Ирис обратилась в молнию и, разрезая, вонзилась в стенку купола. В Фиалку ударил разряд – она отлетела и упала на двух мужчин, а те ударились спинами и затылками о неровную стену пещеры. Бело-золотая молния зигзагом прошла по полю –

и выстрелила Ирис у центра, где собирались Клинки.

Изумление на лице Фиалки сменилось злобой. Отталкивая мужчин, Фиалка прошла вперёд. На спине возникли крупные орлиные крылья с фиолетовым отливом и она, набирая высоты, полетела за беглянкой.

Поднимаясь и кашляя, Ирис хлопала ресницами; внутри ощущалась наэлектризованность, а во рту – странный привкус. Ирис знала, что изредка страх мог спровоцировать необычные проявления магии, но никогда этого не видела; а испытала лишь однажды будучи маленькой, и то, тогда это было иначе.

Ирис поднялась и увидела перед собой множество удивлённых лиц. А через расступившиеся и повернувшиеся к ней боком тела, она увидела множество круглых, тёмных серо-синих порталов. Они выглядели как лужи с энергетическими каёмками.

Обернувшись, Ирис увидела Фиалку, почувствовала её гнев через сокращающееся расстояние – и ахнула. Несколько Клинков, поднимая руки, шагнули к Ирис. Испугавшись, она вспыхнула и, обратившись в шарик золотой молнии, отскочила вверх и наискосок – оказалась над порталами и выпала из света. Перед тем как упасть в один из порталов, Ирис увидела Фиалку – она протягивала руки с криком:

– Нет!

Тело поднялось в вертикаль – Фиалка развела крылья в стороны, остановила полёт и приземлилась возле кольца

Клинков. Они, увидев её перекошенное от гнева лицо, похолодели и готовились к грому.

– Вы чего встали?! Почему не схватили?! – Фиалка издала рык-крик. Набрав в грудь воздух, она толкнула ближнего к ней мужчину в сторону порталов: – Чего медлим?! Чего ждём?! Начинаем! Мы начинаем сейчас! Действуем по второму плану! – и она толкнула к порталам женщину. Продолжая толкать всех, до кого доходили руки, Фиалка сказала: – Пошли-пошли-пошли!

Собираясь, Клинки расправляли магические крылья и взмывали – пикировали и ныряли в порталы. Только шестеро по разные стороны круга остались на местах – следили за порталами и их стабильностью.

К Фиалке со стороны пещеры подлетело трое мужчин и одна женщина. Вцепившись в локоть златовласого, на лбу которого был синяк, Фиалка сказала:

– Камыш, поймай девчонку! – И она толкнула его в сторону порталов. Он кивнул и, расправив крылья, взлетел.

В шаге Фиалка толкнула мужчину со шрамом в сторону пещеры в небольшой скале, возле которой, и за ней, стояло множество конусов палаток серо-бежевого цвета.

– Скажи Родибле чтобы принесла сеяд к сердцу. Живо! – Он, кивая, полетел в ту сторону.

– Ты! – Фиалка схватила мужчину с пышной, рыжей бородой за одежду на груди и притянула к себе. – Найди Флокса и приведи к сердцу. – Он закивал, она его оттолкнула, и

взмахнула рукой: – Бери с собой кого хочешь и сколько хочешь, но найди его и быстро! – Он отступал к порталам и собирал отряд из оставшихся Клинков.

Фиалка дышала так будто внутри извергался вулкан; вцепилась взглядом в женщину – и та сжалась.

– А ты чего стоишь?! – сказала Фиалка. – Лети и скажи остальным что мы действуем по второму плану, – махнула она рукой в сторону лагеря. – Что мы уже начали! И что они уже должны пролетать через порталы!

Запинаясь, женщина расправила возникшие крылья и, порхая, полетела в лагерь, из которого тянулись группы людей.

Фиалка, ругаясь, бормоча под нос и пыхтя гневом, расправила вновь возникшие крылья, взмыла и пикировала в один из порталов.

II

Жители Пларас замечали порталы в небе – оставляли свои дела, поднимали удивлённые взгляды и, переглядываясь, обменивались беспокойством. Клановцы никогда не видели ничего подобного и не знали, как реагировать и что делать.

Из портала выпала Ирис – перевернулась, увидела, что падает на зелёные крыши и в рефлексе испуга вспыхнула бело-золотым.

Клинки вылетали из порталов, разлетались по поселению – приземлялись перед перепуганными, растерянными жителями и, используя различную магию природы, бросались в атаку.

Клановцы защищались, создавая полупрозрачные щиты. Некоторые создавали купола и покрывали ими детей, которые с распахнутыми глазами жались друг к другу и ко взрослым. Только Охотники давали обратный бой – использовали мощный, магический ветер; обращались в крупных диких животных и птиц, или обращали только отдельные части тела; и попеременно использовали защиту.

Бело-золотая вспышка возле жилого дома – и в кусты упала Ирис. Откидывая с лица листья и бутон цветка, она выбралась из куста и бросилась в сторону храма. Но преграждая путь, приземлился Камыш. Он выпрямился, сложил крылья

и, качая головой, шёл на Ирис. А она бросилась в другую сторону.

За Ирис тянулись зелёно-коричневые толстые стебли, которые заменили руки Камыша до плеч. Ирис выбежала на открытую местность, где переплеталось множество троп-дорог, разных частей поселения, а в их объятиях находилось несколько каменных скамеек с клумбами цветов по бокам.

Только Ирис обернулась – как её корпус обвили стебли и подняли. От них отделились более тонкие отростки и потянулись к запястьям. Услышав детский крик справа, Ирис забыла о собственной опасности и повернула голову в ту сторону с kloкочущим сердцем.

Смуглую девочку заслонила Флора с ярко-рыжими волосами. Она с помощью тёмно-зелёных стеблей из рук отразила ледяную атаку вихря с мелкими льдинками-осколками. В выбросе рук Флора направила стебли на противника-мужчину. Противник уклонился и, сделав кувырок, вскочил на ноги. Его товарищ усмехнулся, ухватился за стебли и, испепеляя, волной пустил по ним пламя. Но, прежде чем пламя достигло рук оцепеневшей Флоры, перед ней с магическим щитом возник Охотник и отразил атаку.

Из горизонтальных порталов вылетала вторая волна Клинков. Они распространялись по поселению и начиналась настоящая атака и притеснение жителей.

Тёмные лианы обхватили запястья Ирис, другие тянулись к плечам и к ногам. Воспылав гневом, но пребывая в смяте-

нии, она ухватилась за стебли. Наморщив лоб, едва понимая, что делает, она пустила по стеблям белую, похожую на пламя энергию молний. Молнии прошлись по стеблям и ударили в их носителя; а стебли обращались в каменную пыль и рассыпались. Камыш отлетел назад – снёс створку открытого окна и упал в чей-то дом. Ирис приземлилась на колено и коснулась кончиками пальцев земли; а перед ней и вокруг опадал пепел.

Ирис ринулась в случайную сторону, но наткнулась на Клинка – от испуга ударила в спину чистым зарядом магии и отбросила его в большую клумбу. Не зная куда бежать, Ирис устремилась наперекор переплетению троп-дорог, топтала траву и цветы между ними. Но через несколько метров Ирис остановилась – увидела впереди большую группу из Совета и трёх Жрецов, а за их спинами стояло одиннадцать детей, у которых сегодня продолжались уроки просвещения. Группа скрылась под куполом, который атакует несколько Клинков, и взрослые едва удерживали натиск.

Ирис подняла дрожащие руки и, пытаясь убрать страх, прошептала себе:

– Соберись, соберись, соберись! Ты же можешь помочь. Ты... Я могу помочь!

Она услышала крики и повернула голову вправо. Женщина-Клинок с двумя пучками на затылке присела и хлопнула по земле – и по ней протянулся разлом. Один дом рухнул, крышей навалился на соседний и разбил окно второго этажа.

Впереди послышался взвизг клановца, а потом смех Клинки. Ирис вернула взгляд на купол – увидела, что защита дала слабину и Клинки сейчас прорвутся. Они отступали и готовились, а мужчина-Клинок, формируя мощный заряд пламенного шара, отвёл руки назад и в сторону.

Ирис выкрикнула шёпотом:

– Давай! – И приседая, она ударила ладонями о землю.

Раздался гром – от ладоней в белом зигзаге, разрывая переплетение троп-дорог, разошлась земля. Две скамьи и несколько клумб рухнули, а два столба с пустыми чашами повалились в разные стороны. Разлом достиг группы Клинков – и магия ударила в них. Они попадали в стороны, и в разлом, один ударился об купол, а двое успели раскрыть крылья и взлететь.

Один из них, блондин, приземлился – и, поднимая от земли руки, создал волну ледяных пиков. Вставая, Ирис рукой вырастила прозрачную стену-защиту – и лёд разбился об неё как о скалу. В плавном движении руки Ирис уронила стену-защиту – и та, сокрушая пики, опустилась на них как плита и раскрошила лёд. Блондин едва успел отскочить в сторону, но запнулся и упал.

В защитном куполе замерли изумлённые клановцы – и от их лиц у Ирис сжалось сердце.

– Вау! – раздался голос Камыша в стороне. Он, идя по дуге, обходил Ирис. Она глубоко дышала, выпрямлялась и поворачивала голову к нему. – Мы никогда не видели, что-

бы защитную магию можно было обратить во что-то такое. Поразительно! – Он остановился напротив Ирис и усмехнулся: – Да ты и сама не знала до этого момента.

В гневе Ирис бросила в него заряд чистой магии. Но Камыш поднял руку с полупрозрачной защитой и отбросил его в сторону.

– А до этого? – сказал Камыш. – Ты просто посмотрела, как кто-то творит магию и повторила? Уже дважды. Да ещё и по-своему. И это несмотря на то, что вас загоняют в рамки, а ты просто, – он поднял руку и щёлкнул пальцами, – вышла из них. Оу, ты и вправду особенная. – Лицо Ирис скривилось, и она бросила ещё один заряд магии. Но Камыш отбросил в сторону и его. – А твои-то. Они, наверное, даже не знают, насколько. С их то ограниченными мозгами. И у тебя это получается так легко и... естественно?

– Что вы от нас хотите?! – крикнула Ирис и кинула заряд. Камыш рукой вырастил щит во весь рост, и он был похож на их физические, круглые щиты. – Уходите! – кинула Ирис второй заряд. – Проваливайте! – кинула она третий заряд. И, срываясь, она крикнула: – Мы вам ничего не сделали!

– О, – помрачнел Камыш. – Но ведь это не совсем так.

Следующий заряд магии погас в руке Ирис.

– Что? – сказала она. – О чём ты?

– Не вы конкретно, но ваши прошлые поколения. Точнее... первые? Когда мы, ещё будучи единым народом, только оказались на этом континенте. – Камыш усмехнулся и по-

качивал головой: – Единым.

Со всех сторон разносились: вспышки, крики, голоса. Ирис слышала всё это и морщилась. Она приподняла руки и вены налились ярким, белым светом. Камыш насторожился, поднял вторую руку и укрепил свой щит. Отведя руки в бок и назад, Ирис создала мощный шар чистой белой энергии и в полушаге выбросила его вперёд. Шар пробил щит, сломав его как корочку льда, и ударил в Камыша – тот отлетел назад, но успел в рефлексе раскрытыми магическими крыльями смягчить удар о стену дома и упал.

Группа Клинков оставила купол и полетела к Камышу на помощь. Ирис швыряла в них заряды магии меньшей мощности – не подпускала, но и не попала ни в одного.

Рассеиваясь, Клинки окружали – Ирис едва успевала поворачиваться и бросать заряды.

– Эй! – выкрикнул женский голос.

Раскрасневшаяся Ирис развернулась – и в плечо вонзилось что-то, укол. Ирис пошатнулась и увидела небольшую, деревянную трубочку, которую отнимала ото рта темнокожая женщина, а рядом стоял Камыш с самодовольной ухмылкой.

Мышцы лишились воли, а язык немел. Ирис опустила взгляд и увидела, что из плеча торчало что-то продолговатое, длиной чуть короче пальца. Едва чувствуя руку, Ирис попыталась ухватиться за это, но промахнулась, пошатнулась и рухнула на немеющие колени. Тело накренилось – но,

прежде чем лицо достигло земли, Ирис подловили руки.

III

Вспышки и крики, паника и страх. Не набирая скорости, Камыш летел и нёс под руки Ирис. Единственные движения, которые ей остались доступны – это замедленное, глубокое дыхание и вращение глаз. По небу в разных направлениях летали Клинки. Последние из них вылетели из порталов и те закрывались один за другим. Напрягая глазницы до боли в голове, Ирис опустила взгляд – и сердце сжалось.

Магия клановцев: выстроенная и дисциплинированная; отточенные действия и комбинации. Магия же Клинков: хаотичная и вольная; произвольные действия, но слаженные между собой.

Вместе, хаотично и организовано, Клинки заполонили поселение. Клинки создавали конус-оружия изо льда, и из него же снаряды; создавали щупальца стеблей – и ими нападали, громили, хватали; создавали вихри воздуха – и им поднимали, сбивали, путали и теснили; заставляли землю дрожать, сбивая с ног, и выращивали земельные стены; создавали пламя, окружающее руки до локтей и накаливая кожу подобно железу – и испускали пламя столбами или шарами, создавали из него стены, отрезая пути или окружая группы клановцев в кольца. В магии защиты Клинки были тоже хороши, но хуже, чем клановцы; и многие из них плохо комбинировали это с остальной магией.

Клинки теснили клановцев в группы и брали в плен. А часть распространялась по воздуху – помогала тем, кто был на земле и высматривала жителей точно добычу.

Большинство Хранителей защищали вход в хранилище. Большинство Жрецов защищали храм, собирая там детей, включая младших учеников всех ролей, и тех, кто не мог ни защищаться, ни тем более сражаться. По поселению рассеялись защитные купола, и в некоторых из них были остальные дети и раненые. Жрецы в панике пытались оказать целительную помощь тем, кого встречали, или тем, кого приносили в храм. А когда на Жрецов нападали, они либо выставляли защиту, либо телепортировались.

Столь природная, вольная и мощная магия обескураживала клановцев, которых не учили сражаться, а только защищаться; и удивляла – ведь им говорили, что магия изгоев слаба и примитивна. Только Охотники давали почти равный отпор – защищали жителей и пытались освободить пленных. Охотники обрушивали заряды магии и ветряное подобие стихии. Они вернулись в форму человека, а от животных использовали только когтистые лапы, силу, рефлексy и клыки. Отчего стиль их сражения иногда выглядел диким – и в глазах клановцев, и в глазах Клинков, и в глазах самих Охотников.

Используя магию огня, часть Ремесленников присоединилась к защите людей в храме, часть присоединилась к Охотникам. Но их огонь не был таким эффективным и сокрушаю-

щим как у Клинков – ведь Ремесленники привыкли использовать пламя только для создания.

Удерживаемая в воздухе, Ирис смотрела на хаос и не могла поверить в действительность происходящего. Один беглый взгляд любого и становилось ясно что клан Пларас начал проигрывать в первую минуту появления ордена «Клинки Рассвета».

Взгляд Ирис перебегал от одной схватки к другой, от одного теснения к другому, от крика к ругани, от раненного к раненному. Ирис увидела, как конус льда пронзил старшего Охотника насквозь – она зажмурилась и пыталась унять ужас и отчаяние, которые стучали в груди и в ушах вместе с кровью.

*

Камыш с Ирис начал снижаться, и она открыла веки. Флокс сидел на коленях к сердцу спиной – пустое лицо с обмякшими мышцами, двигались только глаза; тело и голову удерживали едва видимые завихрения; туника была порвана, а на руке – ожог.

Перед Флоксом в нескольких шагах стояла Фиалка. Слева от них – трое потрёпанных мужчин Клинков. А справа – высокая, крепкая женщина с широкими скулами и с русыми волосами, убранными в тугий пучок на макушке. На ней были все элементы брони, которые использовались Клинками, включая нагрудник под удлинённым жилетом. Она стояла со спокойным лицом, а в серо-голубых глазах не было тревоги –

будто криков за пределами площади не существовало; и она держала в руках металлическую шкатулку из тёмной, как у антаров, магсеры с таким же фиолетовым отливом.

Камыш приземлился и сложил крылья, взял Ирис на руки – и угол её обзора накренился. Смотря на Флокса, Фиалка с усмешкой сказала:

– Комфортно?

Камыш встал с боку от Фиалки, недалеко от русой женщины, и с осторожностью подал голос:

– Фиалка, что с ней делать?

С раздражением на лице Фиалка взглянула на них и, сопровождая жесты нечленораздельными звуками, помахала рукой. В растерянности Камыш отступил на шаг назад. Флокс и Ирис встретились взглядами и обменялись паникой. Пальцы опущенной руки Ирис дрогнули, голова чуть пошевелилась, а в лёгкие провалился более полный вдох.

– Ладно, – выдохнула Фиалка. – Пора начинать, пока паралич не развеялся.

– Я вкатил ему двойную дозу, – сказал мужчина, которого Ирис не видела из-за Фиалки.

– Да, – повернула к нему голову Фиалка, – я знаю. – И она повысила голос: – Ведь это то, что я и велела сделать! – Выдыхая, она повернула голову в другую сторону. – Родиола, сеяд.

Вложив все усилия в шейные мышцы, Ирис переместила голову и в обзор всплыла крепкая, русоволосая женщина. Ро-

диола кивнула. Вокруг её рук создались завихрения ветра – и они преподнесли шкатулку к Фиалке. Ирис увидела металл – удивилась и поморщилась наполовину онемевшим лицом.

Вихрь ветра расстегнул две защёлки по бокам и открыл крышку. Ирис ощутила, как изнутри выкатилась странная волна, пробралась под кожу, пересчитала позвонки – и по телу прошла волна мурашек, а сердце забилось чаще. Взглянув на остальных – тех, кто был доступен – Ирис поняла, что они этого не испытали.

Точно ища помощи, Ирис взглянула на наставника. На его лице застыла растерянность, которую она прежде никогда в нём не видела. Ирис уловила что он, посматривая по сторонам, продумывал план спасения – и внутри вспыхнула надежда.

Которая начала таять, когда Ирис устремила взгляд перед собой.

Со странно-диким восторгом Фиалка взяла то, что лежало на тёмном бархате; а шкатулка закрылась вихрем и отлетела в сторону. Над рукой Фиалки воспарил полупрозрачный, небольшой, многогранный кристалл, формой как у сердца – точно его миниатюрная копия, но красного цвета. А внутри была миниатюрная чёрная сфера.

Сеяд будто обнял Ирис в крепкие, иглистые объятия. Её веки раскрылись, волоски встали дыбом – она дёрнулась точно в конвульсии теми мышцами, с которых спал паралич, выпала из рук Камыша и рухнула на бок. Ирис приподняла го-

лову и смотрела на красное творение диким взглядом, а кисти, будто обмороженные, сжимались не до конца и разжимались.

Растерявшись, Камыш присел к Ирис, но боялся её коснуться. Фиалка удивилась и сказала:

– Странная реакция.

Казалось, что любопытство возьмёт вверх, но Фиалка отвернулась и, покачивая бёдрами, приблизилась к Флоксу. Он смотрел на сеяд с застывшими изумлением и ужасом на лице; а его план сопротивления осыпался в прах.

Забыв о наставнике, забыв обо всём, Ирис смотрела только на сеяд. Ей хотелось оттолкнуть его от себя, его ощущение, которое бушевало в ней; и ей хотелось отпрыгнуть, убежать, и кричать, раздирая кожу. Ирис знала, что всегда ощущала магию, в том числе в предметах, иначе, но всё равно не понимала, что с ней происходило. Словно она частично вошла в это творение, в заложенную в нём магию и задачу, а оно частично вошло в неё.

В ладони Фиалки вспыхнула белая магия – а в ответ встрепыхнулась чёрная сфера сеяда. Сосредотачиваясь, Фиалка приподняла руку с сеядом, медленно сжимала пальцы в кулак и концентрировала в нём всю свою энергию. Вены наливались светом, просвечивали под одеждой и сияли. Черноту зрачков заменил свет, а капилляры подсвечивались. Одежда и волосы трепыхались как от ветра, но его источником являлось тело.

Сеяд вспыхнул красным, выпускал искры и молнии; воздух вокруг искажался и ломался. В его разломах как вертикально-косых бликах Ирис видела отблески Грани, или же ощущала их.

Чем больше в себя впитывал энергии сеяд, подготавливаясь и настраиваясь на вложенную задачу, тем сильнее дёргалась Ирис – точно те мышцы, в которых развеялся паралич, обзавелись тиком. Внутри Ирис нечто нарастало, расширялось и поднималось, давя на внутренности и лёгкие, и подступало к горлу; заставляло кровь нестись в бешеном ритме, а сердце стучать на износ с хаотичными перебоями. Ирис не хотела ощущать странный кристалл, не хотела ощущать происходящую магию, но не могла это контролировать, и не могла себя от него оторвать.

Подёргиваясь, Ирис щурилась от света, которым налилась Фиалка подобно белому факелу. А пиком света являлся кулак – как шар – смотреть на который без рези в глазах было невозможно. Пространство вокруг наэлектризовалось, уши закладывало, а тела прижимало к земле. Сопrotивляясь, Флокс мог только щуриться и дышать с задержками дыхания. Клинки отступали назад. Камыш, не сводя взгляда с Фиалки, потянулся к Ирис, намереваясь поднять и унести. Ирис хотелось броситься к сеяду, на сеяд; хотелось убежать и разорваться; а разум забился где-то в уголке.

Как вспышка разжался кулак-шар – секунда всепоглощающего давления, и энергия заструилась в сеяд. Вобрав всю

энергию из Фиалки, он воспарил. А она, вспотевшая и с трудом дыша, без сил осела на землю. С беспокойством на лице Родиола, поглядывая на поднимающийся сеяд, засемила к лидеру.

Сеяд замер. От него красная линия энергии как молния ударила в сердце, пронзила и вошла в сферу – и та вспыхнула как белое пламя. Вторая линия ударила во Флокса, вошла в грудь и развеяла паралич. Дыхание перехватило – и с криком боли Флокс рухнул на четвереньки и дрожал. Родиола помогала встать Фиалке, а она, будто с парализованными конечностями, наваливалась на Родиолу и смотрела на содеянное с пылающим восторгом.

Ирис ощущала ломанную и неправильную магию, но не понимала её; и она невнятно забормотала:

– Хватит... Хватит...

Камыш, который посадил её и намеревался поднять, отстранился в растерянности. Непослушные, наполовину парализованные руки Ирис не знали куда тянутся – к груди или голове; а в ладонях зажегся бледный, белый свет.

От сеяда в импульсе вышла чёрная сфера и по красной линии опустилась, войдя в грудь Флокса. Морщась и с трудом дыша, он приподнялся и осел на пятки, а руки в безвольности опустились вдоль тела и костяшками коснулись плитки.

Когда вся темнота сферы вошла в грудь, из Флокса вышла белая струйка и по красной линии заструилась к сеяду, через него и по первой линии прямо в сердце – в сферу. Противясь,

сердце загудело и завибрировало, песок в углублении задрожал, а сфера внутри мельтешила, точно загнанный в клетку зверь.

Тех клановцев, кто видел сердце, перепугало его состояние, и они запаниковали. Охотники стали пытаться пробиться к площади. Для Клинков это был сигнал усилить натиск; для тех, кто был в воздухе – спускаться и сворачивать магические крылья.

Сеяд начал саморазрушаться. Он обращался в красную энергетическую пыль, которая циркулировала вокруг него, собиралась, устремлялась по линиям и продолжала перегонять белую энергию из Флокса в сферу сердца.

Ирис залепетала:

– Нет, нет, нет... – Она схватилась за голову, точно в ней вопила магия, но она не знала языка.

– Эй, – мягко позвал Камыш и коснулся плеча Ирис. Он намеревался её поднять, и вторая рука прошла под ногами.

– Нет! – выкрикнула Ирис и обратила на себя внимание присутствующих.

В выкрике Ирис выпустила энергию – она развеяла остатки паралича, и волна отбросила Камыша к ногам Фиалки и Родиолы. А Ирис вспыхнула бело-золотым и исчезла.

Хлопая ресницами над приподнятыми бровями, Фиалка сказала:

– И куда она делась? Почему паралич так быстро развеялся? Камыш, твою мать! – пнула она его и повалилась, но

Родиола её подловила. – Поднимайся и найди её! Вколи ей двойную дозу! Тройную! И отнеси в безопасное место! Всё равно не удалось использовать её как планировалось.

*

Хаос и вспышки. Крики и притеснения. Плачи и кровь. Сердце сияло, гудело и крутилось с бешённой скоростью. Облака серели, густели и, скрыв солнце, наседали над поселением Пларас. Поднимался ветер – его порывы качали ветки, дребезжали оконными рамами, пригибали траву крыш из стороны в сторону, а столбы для сфесе поскрипывали.

В ветках единственного дуба у храма вспыхнул бело-золотой свет – и раздался шелест и хруст. Удержавшись ослабевшими руками и ногами, Ирис повисла на ветке – подтянулась и села. Приходя в себя, Ирис сосредоточилась на ближайшем доме – переместилась на его крышу и ухватилась за линию пика.

Внизу, у стены дома юная Жрица дрожащими руками исцеляла рваную рану на животе Ремесленника. А к ней спешила растрёпанная наставница. Стараясь игнорировать хаос, Ирис осмотрелась вокруг и увидела площадь с сияющим сердцем, которое стало отдавать красным тоном.

– Флокс, – прошептала Ирис. И слово утонуло в гуле сражений, голосов и криков.

Потрясая руками, Ирис собралась. Выпуская магию силы не через руки, а через тело, она подняла себя в воздух и полетела к площади. Несколько клановцев, кто не сражался,

одаривали Ирис изумлёнными взглядами – ведь она летела подобно Хранителям, Совету и Лидерам, но более свободно и не имела синей вуали, или вообще какие-либо физические проявления магии.

Вторая красная линия, забирая остатки белого, вышла из груди Флокса. Она поднялась, вобрала последние частички разрушившегося сеяда – и вторая линия без остатка вошла в сферу сердца. Красный отсвет стал отчётливее, сфера увеличилась и почернела – и сердце замерло.

Видя это, Ирис в страхе остановила полёт над крайней линией домов перед площадью. Клинки пятились от сердца. Родиола помогала Фиалке отойти в сторону. А Флокс рухнул на бок.

Из верхнего конца сердца в небо ударил толстый луч красно-чёрного цвета, а из достигнутой им точки по небу стали отходить волны, как биение, во все стороны света. На запястьях людей – и клановцев и Клинков – возникали широкие чёрно-красные наручники, которые не касались кожи и не имели цепи. Сплетая магию, наручники наливались силой и красным цветом.

Клановцы замерли на месте, с изумлением и страхом смотрели на свои руки; чувствуя, как внутри отрезалась и запиралась часть их самих, будто исчезая. Некоторые рухнули на колени с криком. Дети заплакали. Единственная беременная в этом году упала в обморок. Но её успела подхватить Жрица, и под весом едва не упала сама. А Клинки, тер-

пя неприятные ощущения, быстро брали себя в руки – вынимали оружие и перегруппировывались.

Магия в руках вспыхнула – Ирис ахнула, стала падать и во вспышке, обжигающей изнутри, переместилась. В этот же момент магия будто отключилась – Ирис выпала из вспышки и рухнула на крышу крайнего дома. Ударившись плечом, Ирис покатилась – цеплялась за траву, выдирая её и загоня грязь под ногти; а почва осыпалась вслед за ней и догоняла.

У края крыши Ирис зацепилась рукой за металлический жёлоб – повисла, покачнулась и ударилась коленом о стену; а металл угрожающе закрипел от натуги. Стиснув зубы, Ирис ухватила второй рукой за жёлоб – и вылетел болт. Ирис ахнула, жёлоб застонал – и, выбивая последующие болты, упал вместе с ней.

Ирис рухнула на спину. Жёлоб остался наверху с одного края на нескольких болтах у водосточной трубы на углу, а после неё начиналась следующая, нетронутая часть желоба.

Шипя и морщась, Ирис открыла веки. Она отбросила жёлоб и села; но увидев свои руки – замерла. Запястья, как и у всех, опоясывали странные широкие наручники, которые вызывали ощущение отвращения и неправильности. Они стали насыщенного красного цвета, а в пульсациях проскакивал чёрный – точно чернила в красных водах.

Сосушие воронки в ладонях; неприятное ощущение как слизняк ползло выше по рукам, стремилось к плечам и ключице; а холодно-колючее ощущение сжимало внутри. Ирис

поднялась и присмотрелась к наручникам. Внезапно магия в левой руке вспыхнула – Ирис ахнула и с ужасом на лице отстранила руки, будто желала их выбросить – и её отбросило к стене дома. Ирис ударилась боком, рухнула на другой – и на несколько секунд потеряла себя.

Боль и звон в ушах, как ни странно, приводили в чувство. В руках неприятное сосущее ощущение возросло, а по телу прошла волна жара. Сев, Ирис снова посмотрела на руки. Наручники светились ярким красным цветом.

Вместе со сферой сердца луч ушёл в небо – и последняя красная волна разошлась по серым тучам и дальше по небу. Потеряв весь свет, пустое сердце погасло и упало – концом вонзилось в воронку, покачнулось и, разломав плитку, повалилось в сторону, а конец разрушил стену дома, стоящего на краю площади.

На лицах клановцев застыло отчаяние и беспомощность. Ирис забыла о наручниках и вскочила. А толпа перепуганных жителей на площади пятились друг к другу. Их окружали Клинки и, направляя наконечники стрел и арбалетных болтов, удерживали вместе.

Взгляд Ирис, точно ища помощи, переместился в сторону. Девушка-Флора направила руки на мужчину-Клинка, но магия не возникла – мужчина хмыкнул, грубо схватил девушку под локоть и поволок к остальным. Юноша-Ремесленник бросился к ним, но женщина-Клинок ударила его с локтя в нос – и он со стоном рухнул на землю.

Взгляд Ирис метнулся на край площади. Среди крайних домов Охотники, которые до этого с боем пробрались к сердцу, сейчас использовали всё что под руку попадалось и пытались дать отпор Клинкам. Особо отчаянного Охотника пронзил меч – Ирис задержала дыхание и теряла землю под ногами, а взгляд хаотично блуждал по площади и окраинам.

Споткнувшись, взгляд Ирис встал в центре – на боку, спиной к ней лежал силуэт в песочной одежде.

– Флокс! – ахнула Ирис, и побежала через площадь.

Камыш заметил Ирис, обрадовался и побежал на неё. На бегу она сжала плечи, втянула голову, и словно идя на таран, зажмурилась – вспышка и она переместилась, оставив Камыша в недоумении.

Фиалка и Родиола, которые стояли недалеко от сердца, с изумлением уставились на Ирис – она выпала из блеклой вспышки, перевернулась и проехала по плитке.

– Невозможно, – прошептала Родиола. Она, проверяя наличие наручников, посмотрела на свои запястья. Они продолжали мерцать и начали таять. Но их присутствие, давящее и обволакивающее, укреплялось.

– Как?! – сказала Фиалка. В ней перемешались: изумление, неверие, гнев, и странный, непонятный даже ей, восторг.

Лёжа на боку, с болью в руках от кончиков пальцев и до висков, Ирис приподняла голову и подняла взгляд. Она видела спину Флокса, но не видела дышал он или нет; и слышала,

как к ней бежало две пары ног. Больше на эмоциях, нежели реальная команда, Ирис через боль, ныряя в ещё большую боль, переместилась вперёд: обернулась вспышкой. Подбежавшая Родиола ахнула и отскочила; а Фиалка попыталась схватить бестелесную Ирис.

Вспышка как бесформенный призрак, подобно перемещению Ремесленников, но только в ломаной версии, пронеслась вперёд. Ирис возникла в трёх шагах от наставника – выпала и рухнула. Боль от падения в миг затмила иная боль – как молния пронзила каждую клеточку тела, дыхание усложнилось, а в глазах потемнело. Несколько секунд Ирис не чувствовала окружение и не слышала, как к ней бегом приближались Родиола и Фиалка.

В глазах плыло и двоилось, но Ирис увидела яркий, красный свет, исходящий от её рук. В ладонях ледяные, тянущие воронки будто создавали дыры; тело бросило в жар; в груди миллион тонких игл; а нервная система ныла и пылала в огне.

Только когда кисти сжали одежду на груди и приподняли, Ирис начала приходить в себя. Она поняла, что стоит на коленях и болтается в сильных руках, на которых наручники почти исчезли. Темнота в глазах рассеивалась и на Ирис смотрело лицо Фиалки – жуткое от растерянности и злобы, со смесью эмоций в глазах. А вьющиеся тёмно-каштановые волосы без солнца потеряли красноватый оттенок и покачивались от порыва ветра.

– Что ты вытворяешь? М-м? – Фиалка встряхнула Ирис. – Как?! Как ты это сделала несмотря на оковы?

– Я..., – пытаюсь собрать силы в атрофированных мышцах, прохрипела Ирис.

Она взмахнула рукой и ударила ею по запястьям Фиалки – кисти разжались, и Ирис рухнула на бок. Она поднялась и, глядя на наставника, на четвереньках поползла в сторону – пыталась увидеть вздымается его бок или нет. Ирис показалось что она услышала его хрип; или не его. Но рука Фиалки схватила за шиворот – Ирис приподнялась, а одежда надавила на горло. Фиалка отшвырнула Ирис обратно – она рухнула на спину с гримасой боли и вырвавшимся, но неосознанно сдерживаемым, стоном.

– Отвечай! – выкрикнула Фиалка.

Оковы Ирис начали мерцать и таять. Она открыла веки и приподняла голову – увидела, что в ногах как гора стояла Фиалка, и едва не разрыдалась. Через суматоху, царящую вокруг и на каждой улочке поселения; через стихающую боль и усиливающий странный дискомфорт – в груди Ирис возникло ощущение. Она подняла взгляд на небо, а внутри задребезжала надеждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.